

Л. А. ШЕЙМАН

ШУШУКВИН
И
КИРГИЗЫ

КИРГИЗСКОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Фрунзе
1963

Как праздник нерушимой дружбы отмечается столетие добровольного вхождения Киргизии в состав России.

Корни этой дружбы уходят в далекое прошлое. Большую роль в ее укреплении сыграли деятели передовой русской интеллигенции. Ученые России начали исследования истории и культуры Киргизстана. Писатели России оказали решающее влияние на развитие киргизской советской литературы.

Автор предлагаемой брошюры стремится восстановить некоторые страницы истории русско-киргизских литературных связей, запечатленные именем великого Пушкина, который совмещал в своем лице и гениального поэта, и замечательного ученого-исследователя.

В первой части (разделы второй—четвертый) рассматриваются киргизско-казахские интересы А. С. Пушкина, его отношение к русским ученым, писавшим о киргизах, его роль в первых успехах отечественного киргизоведения. Во второй части (раздел пятый) дается краткий обзор материалов об освоении пушкинского наследия киргизским народом. Основные выводы первой части работы и некоторые положения второй части опираются на малоизученные или неопубликованные данные.

Книжка предназначена для литераторов и историков, студентов и учителей, а также для всех, кто интересуется историей русско-киргизских культурных связей.

Материалы брошюры могут быть использованы в школьной практике: при изучении творчества Пушкина, в связи с преподаванием истории народов СССР и во внеклассной работе.

1. Загадочные термины

наследию художников такого масштаба, как Пушкин, мы вновь и вновь обращаемся не только для того, чтобы изведать уже знакомое — и всегда бесконечно новое — эстетическое переживание. Все чаще перечитываются произведения писателя или материалы о его биографии и творчестве в поисках ответа на остро волнующие нас вопросы морали и политики, культурной и общественной жизни. Что так случится именно с автором «Евгения Онегина», предсказывал в свое время еще Белинский.

В числе других периодически возвращает нас к изучению наследия, освоенного казалось бы исчерпывающе, вопрос: «Русский писатель и народы нашей Родины».

Размышляя о писателе, интересно выяснить обе стороны этого вопроса. Одна сторона: какое место в творческой деятельности мастера слова занимает те-

ма о жизни различных народов, населяющих нашу Родину? И другая: какую роль сыграло его искусство в развитии культуры этих народов?

Особенно привлекают к выяснению такого рода вопросов те выводы, которые, как показал опыт, рождаются в ходе изучения материала — по мере знакомства с новыми (или по-новому увиденными) фактами. Это — выводы гораздо более широкие, чем оценка творчества одного какого-либо писателя. Например, мысли об истоках великой дружбы народов нашей страны. Или же о другом — о том, как вернее освещать драматические эпизоды сложных взаимоотношений тех или иных народов в прошлом, в условиях, когда царское правительство пыталось разжигать вражду между ними. Или, в совсем иной плоскости, — о желательном кругозоре деятеля культуры, о том, скажем, какое место занимают научные интересы в деятельности писателя. Или, наконец, — о наиболее плодотворных путях освоения творчества русского художника народами, еще совсем недавно не имевшими своей письменной литературы.

Пищу для подобных размышлений, пожалуй, с особой щедростью предоставляют исследования темы «Пушкин и народы нашей страны». В пушкинском творчестве воссозданы картины жизни несчетного множества племен и народностей. С живым интересом и добросердечным дружественным вниманием следил поэт за изучением быта и культуры различных народов России. Общеизвестна также исключительная популярность Пушкина в братских национальных республиках СССР.

Не случайно поэтому историками литературы на-

писаны десятки книг и статей типа «Пушкин и Украина», «Пушкин и Грузия», «Пушкин и Армения», «Пушкин и Кабарда», «Пушкин в Молдавии», «Пушкин в Калмыкии», «Связи Пушкина с Эстонией», «Пушкин и русско-казахские литературные связи» и так далее¹.

Но на материале Киргизии эта тема до последнего времени почти не раскрывалась.

Если о переводах произведений Пушкина на киргизский язык и о влиянии его на киргизских писателей еще время от времени говорилось и писалось, то вопрос об интересе поэта к быту и культуре народов Киргизии или об отражении киргизской тематики в его творчестве никем не ставился вплоть до самого последнего времени.

Чем это объясняется?

Прежде всего — тем, что все упоминания о «киргизах», «киргизцах» или «кэргызцах», которые встречаются в пушкинских произведениях, неизменно понимались читателями и расшифровывались комментаторами как высказывания о представителях казахского народа. Ведь в большей части дореволюционной литературы «киргизами» или «киргизцами» ошибочно называли казахов. А Киргизия в пушкинские времена не входила в состав России, была расположена довольно далеко от ее государственных границ, и, следовательно, поэт мог вообще ничего не знать о ней.

Так разъяснялось использование Пушкиным термина «киргизцы» авторами всех комментариев к собраниям сочинений поэта, как массовым, так и самым компетентным в научном отношении.

Например, в трехтомнике избранных произведений поэта, выпущенном к одному из последних пушкинских юбилеев, дается следующее примечание к выражению «киргиз-кайсацкие степи»: «Так называли область, расположенную к востоку от реки Урал (ныне территория Казахской ССР); казахов в то время неправильно называли «киргизцами»².

В повторении той же ошибки по существу уличает Пушкина и алфавитный указатель к наиболее полному, так называемому Большому Академическому собранию сочинений в шестнадцати томах, где опубликованы почти все известные к 1949 году пушкинские рукописи, в том числе подготовительные и черновые. Более десятка различных терминов, встречающихся в «Истории Пугачева», в приложениях и набросках к ней, истолковываются здесь как варианты одного слова — «киргиз-кайсаки»: «Киргиз-кайсаки (буруты, казаки, киргиз-казаки, киргизцы, киргизы, кэргизцы, киргизский, киргиз-кайсацкий <...>, kirghises <...>» (IX—2, 861)³.

Такая же трактовка этих терминов закреплена в четырехтомном «Словаре языка Пушкина». Правда, здесь учтены только основные пушкинские тексты и не берутся в расчет приложения и примечания, писанные рукой поэта. Это сразу же отрицательно сказалось на полноте охвата слов «киргизской» группы, встречающихся у Пушкина; здесь зарегистрированы только пять из них: «киргиз», «киргизец», «киргиз-кайсак», «киргиз-кайсацкий (киргиз-кайсакский)» и «киргизский (киргизской)». Может быть, именно из-за этой неполноты оказалось возможным повторить без изменений комментарий предшествующих иссле-

дователей и пояснить все термины однотипно: «Киргиз (2). *Казах*», «Киргизец» (7). *То же, что киргиз*», «Киргиз-кайсаk (4). *Казах*»⁴.

Итак, Пушкин ошибался? Так же, как и его современники, он употреблял названия народов Казахстана и Средней Азии неправильно? Все эти, по-видимому похожие друг на друга, термины надо относить только к казахам, как то и делают историки русско-казахских литературных связей?

Такая привычная постановка вопроса, насчитывающая уже более столетия, давно должна была бы вызвать сомнения у востоковедов.

Во-первых, далеко не все русские люди «в то время», о котором пишут комментаторы, называли казахов «неправильно». Хорошо известны книги отечественных ученых XVIII — начала XIX века, отличавших киргизов от казахов. Имелись сочинения, правда весьма редкие и немногочисленные, где приводились подлинные самоназвания обоих народов.

Во-вторых, прочно установлена исключительная любознательность и поистине подвижническая научная добросовестность Пушкина — в частности, когда речь заходила об описании быта и культуры известных ему народов. Как правило, небрежностей поэт тут не допускал. А с представителями казахского народа он лично соприкасался в Оренбургской губернии, во время собирания материалов для «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева».

В-третьих, термины, встречающиеся в пушкинских текстах, при ближайшем рассмотрении не столь уж походят друг на друга. Даже не специалисту бросается в глаза, например, что такие слова, как «бурут»

или «кэргизец», мало чем напоминают термин «киргиз-кайсак». Тем более, что, проверив их употребление в тексте, нетрудно убедиться: у Пушкина написано не «кэргизец», как утверждается в алфавитном указателе к Большому Академическому изданию, а «кэргызец». То есть—еще более непохоже на «киргиз-кайсак»!

И, в-четвертых, нельзя не вспомнить о тесных личных связях между Пушкиным и крупнейшими русскими учеными его времени. Были среди них и специалисты-востоковеды. Их книги, а также их личные советы могли оказать необходимое содействие поэту в уточнении интересовавших его терминов.

Все эти соображения, а также большое принципиальное значение вопросов истории литературных связей между народами СССР, побуждают с особым вниманием рассмотреть материалы о «киргизско-казахских» интересах Пушкина⁵.

2. Первая статья об отличии киргизов от казахов

(А. С. Пушкин и А. И. Лёвшин)

а страницах пушкинских произведений и в переписке поэта не раз встречаются упоминания о его одесском знакомом и сослуживце Алексее Ираклиевиче Лёвшине, ученом, литераторе и государственном деятеле.

Это имя хорошо известно всем, кто интересовался историей изучения Киргизии и Казахстана. Лёвшин — один из основателей Русского Географического Общества. Его перу принадлежит фундаментальный трехтомный труд «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей», вышедший первым изданием еще при жизни Пушкина, в 1832 году.

Книга Лёвшина произвела огромное впечатление на современников. Тираж ее немедленно разошелся. Восторженно откликнулись на нее литературно-художественные периодические издания: пушкинская «Литературная газета» и радикально-демократический «Московский телеграф» Николая Полевого. Че-

рез несколько лет, в 1840 году, она вышла, во французском переводе, в Париже.

Интерес русской и мировой науки к этому труду понятен. Лёвшин впервые в научной литературе дал точное и энциклопедически полное описание Казахстана, быта и культуры казахского народа. В то же время он последовательно разграничил материалы о казахах от материалов о киргизах, указал на подлинные самоназвания этих народов и обобщил достоверные свидетельства о тянь-шаньских и енисейских киргизах.

Труд Левшина вызвал и немалый общественный интерес. Казахстан, как и Киргизия, еще не входил тогда в состав России. Но ее связи с восточными соседями насчитывали уже не одно десятилетие и с каждым годом становились все теснее и интенсивнее. Как мы увидим, само появление «Описания Киргиз-Казахских, или Киргиз-Кайсацких орд и степей» оказалось возможным в результате усиления дипломатических сношений Русского государства с предводителями феодальных и родоплеменных союзов Казахстана, наиболее дальновидные из которых не могли не учитывать стремления народов к дружбе и сотрудничеству с русскими, а также политических и экономических выгод присоединения к России.

Как отнеслись просвещенные и прогрессивно настроенные современники Пушкина к исследованию А. И. Левшина, можно судить по заметке в журнале «Московский телеграф», появившейся сто тридцать лет тому назад, сразу же после выхода в свет левшинского труда. Описание... Киргиз-кайсацких... орд и степей» названо здесь «одной из самых замечатель-

ных книг, явившихся в 1832 году», «ученым, превосходным сочинением». Рецензент (возможно, сам Н. А. Полевой) пишет: «...мало выходит на Русском языке книг, написанных так хорошо, составленных с таким тщанием и обогащенных таким множеством любопытных сближений и замечаний! Это сочинение истинно Европейское, и нет сомнения, что, когда переведут его на Французский язык, оно обратит на себя внимание всех ученых людей и послужит для них рассадником новых сведений»¹. Н. А. Полевой и раньше систематически знакомил читателей с успехами русского востоковедения. Продолжая идеи декабристов, он пропагандировал правдивое и уважительное описание быта, истории и культуры народов, населявших территорию России или соседствовавших с нею². Естественно, что и книгу Левшина «Московский телеграф» с гордостью ставит в один ряд с лучшими трудами, характерными для прогрессивной традиции русской науки: «Мы, Русские, можем гордиться тем, что наши соотечественники познакомили свет с землями, лежащими по ту сторону Каспийского моря (...). Все сии сочинения не сборники поверхностных сведений, не легкие очерки предметов известных или богатых пособиями для описания, а оригинальные труды, изыскания, сказания очевидцев»³.

Оценку, данную книге Левшина современниками, полностью подтвердили крупнейшие ученые последующего времени.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский назвал это произведение «прекрасным»⁴.

И. В. Мушкетов охарактеризовал его как «выдающееся явление в литературе Туркестана»: «...сочине-

ние Левшина представляет всю сумму знаний того времени о киргизских степях; ни до, ни после него еще не появилось другой работы, которая бы затмила сочинение Левшина; оно до сих пор лучший источник для знакомства с киргиз-казацкими степями»⁵.

Современные специалисты по истории отечественного востоковедения считают исследование Левшина «первым обобщающим научным трудом, в котором были подведены итоги всем научным знаниям, накопленным с 60-х годов XVIII века по 30-е годы XIX века». Одной из заслуг автора справедливо считается то, что он «...говорит об имени киргиз-кайсаков (т. е. о подлинном самоназвании казахов.— Л. Ш.) и отличает их от подлинных, или диких, киргизов...»⁶

Какое отношение имеет Пушкин к замечательной книге А. И. Левшина? Как выясняется, самое непосредственное. Прежде всего — он был одним из тех, кто подготовил ее опубликование.

Материалы книги А. И. Левшина, до выхода ее в свет отдельным изданием, печатались в виде статей. Одна из них была специально посвящена отличию казахов от киргизов. Она называлась: «Об имени Киргиз-Казакского народа и отличии его от подлинных, или диких Киргизов». Статья появилась в 1827 году в «Московском вестнике». Этот журнал издавался историком и литератором М. П. Погодиным. Но задуман он был Пушкиным, недавно вернувшимся из ссылки, и его московскими друзьями как орган пушкинской литературной группы.

Появлению статьи Левшина в московском журнале предшествовала переписка Пушкина с его одесскими друзьями. Поэт стремился придать «Московскому

вестнику» направление, отвечавшее, по мнению Пушкина, самым насущным задачам общественного и литературного развития. Поэтому он лично очень деятельно заботился о собирании материалов для этого журнала.

И вот, в феврале 1827 года Пушкин обращается из Москвы к своему одесскому приятелю, поэту Василию Ивановичу Туманскому с письмом, в котором дружески просит о присылке материалов для «Московского вестника».

«Нельзя ль чего от Левшина?» — гласит приписка, сделанная на полях этого письма (XIII, 320).

Кому принадлежит эта приписка?

Установить это очень важно. Конечно, даже если бы она была сделана не Пушкиным, сам факт появления ее в письме поэта говорил бы об интересе пушкинского кружка к трудам Левшина. Тем более, что Туманский, как мы увидим дальше, отвечал на эту приписку не кому-нибудь, а Пушкину же.

Существенно, однако, выяснить отношение с а м о г о Пушкина, а не только его окружения, к работе Левшина.

Между тем в Большом Академическом издании приписка к пушкинскому письму снабжена пометой: «Сбоку другою рукой» (XIII, 320). То есть, имелось в виду, что сделана она не Пушкиным, а каким-то другим лицом. Более того, в следующих академических изданиях (1949, 1951 и 1958 годов) эта приписка вообще не воспроизводилась.

Кто же все-таки заказал А. И. Левшину статью для «Московского вестника»?

Первоначально автор настоящей брошюры вы-

сказал в печати предположение, что это сделал кто-либо из друзей поэта. Туманский, полагали мы, правильно понял приписку как дополнение к личной просьбе Пушкина и ответил, на имя Пушкина же, сообщением о том, что пришлет статью Левшина о киргизах. Эта статья, несомненно, была прислана опять-таки самому Пушкину, поскольку он просил Туманского писать и высылать все для «Московского вестника» на его, Пушкина, адрес: поэт жил тогда в доме издателя журнала, М. П. Погодина⁷.

Но, может быть, приписка-заказ в письме к Туманскому сделана все-таки самим Пушкиным?

За разъяснением мы обратились в Пушкинский дом (Институт русской литературы) Академии наук Союза ССР. Заведующий рукописным отделом ИРЛИ Н. В. Измайлов любезно сообщил нам свое мнение, а затем предоставил возможность лично ознакомиться с автографом пушкинского письма. Консультации по фотокопии письма охотно дали также и другие пушкинисты — профессора Б. П. Городецкий и Б. С. Мейлах.

Все это позволило сделать следующие выводы.

Приписка к интересующему нас письму, которая в оригинале читается: «Не лъзяль чего отъ Левшина?» — сделана рукою Пушкина, но другим, более твердым и тонким пером. Начертание букв не просто пушкинское, но и совпадающее с начертанием этих букв в других словах того же письма. Приписана фраза о Левшине на левом поле пушкинского письма, сбоку, по вертикали, рядом с теми строчками Пушкина, где содержится прямой заказ материалов для «Московского вестника» и доверительное сообщение

о том, что подлинный хозяин журнала не Погодин, а Пушкин и его кружок: «На всякий случай пиши на имя *Погодина, к книгопродавцу Ширяеву в Москву**. К стати: надеюсь на тебя как на каменную стену — Погодин ничто иное как имя, *звук пустой* — дух-же я т. е. мы все православные»⁸.

Таким образом, и почерк, и местоположение, и содержание приписки свидетельствуют об одном: материалы Левшина для «Московского вестника» заказывал непосредственно сам Пушкин.

Именно поэтому В. И. Туманский 2 марта 1827 года, отвечая на заказ, писал опять-таки Пушкину (а не, скажем, Погодину): «У Левшина возьму славную для вас статью из 3-го тома его описания Киргизов (...)» (XIII, 322).

«Славная для вас статья» — это и есть ставшая впоследствии знаменитой работа Алексея Ираклиевича Левшина «Об имени Киргиз-Казакского народа и отличии его от подлинных, или диких Киргизов»⁹.

В пушкинском письме, к сожалению, не говорится, какой именно материал поэту хотелось бы получить от Левшина. Приглашение можно понять так, что пригодилась бы любая статья, написанная им. В то же время ясно и другое: Пушкин уверен, что на Левшина, как на автора материалов для журнала, в принципе можно рассчитывать, ему есть что прислать.

Но имел ли в виду Пушкин, заказывая материалы А. И. Левшину, именно статью о казахах и киргизах?

Иначе говоря: знал ли Пушкин, что Левшин работал в это время над «киргиз-казакскими» очерками?

Ответить на этот вопрос можно лишь установив, каковы были отношения между великим поэтом и

одним из будущих основателей Русского Географического Общества.

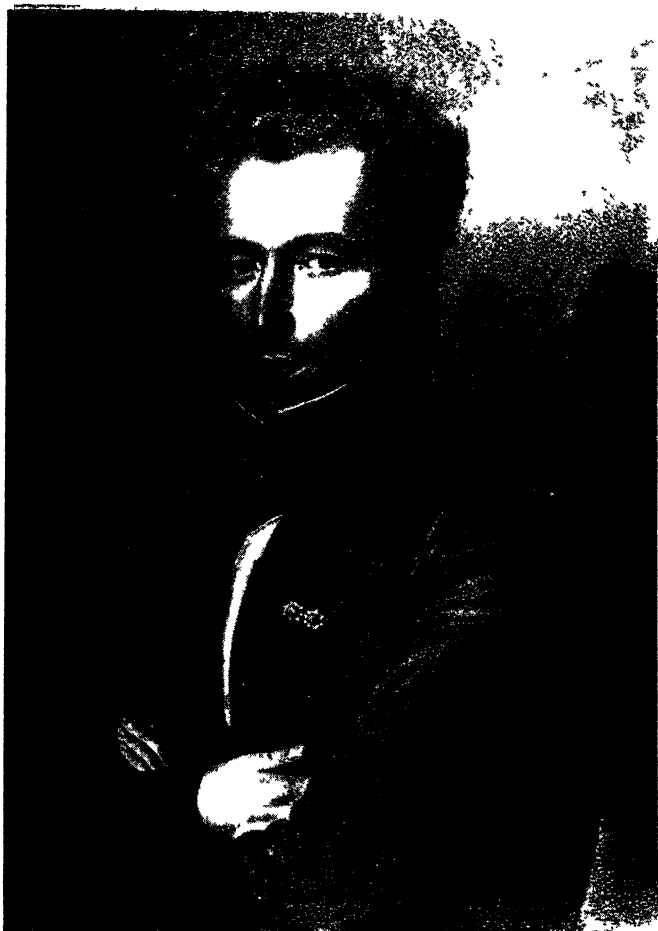
Здесь невозможно подробно останавливаться на отношениях Пушкина и Левшина во время их совместной службы в Одессе. Укажем лишь на самое существенное.

Хотя А. И. Левшин, как и Пушкин — и почти в одно время с ним, в 1818 году, — начал свою службу в Коллегии иностранных дел, он уже в ту пору был известен прежде всего как одаренный писатель.

Его перу принадлежала вышедшая в 1816 году книга «Письма из Малороссии». По жанру и стилю она примыкала к традициям «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. Но по содержанию своему она представляла самостоятельный интерес.

Юный автор — Левшин был ровесником Пушкина — обнаруживал в ней незаурядную наблюдательность и эрудицию. На страницах писем встречаются размышления об исторических лицах, ставших впоследствии героями пушкинской «Полтавы»: «Мы там, где несчастные Искра и Кочубей пали от удара свирепого Мазепы и где головы их, злодейскою рукою палача отсеченные, скатились с них. Напрасно искал я места казни. Никто сго не указал мне». Места древних сражений вызывают у путешественника воспоминания о строках из совсем еще недавно открытого «Слова о полку Игореве», которое всегда глубоко интересовало и Пушкина: «... я... внимал, казалось, словам громогласного Баяна, который носился соловьем по деревьям, серым волком по земле, сизым орлом под облаками» (следует сноска: «Так выражается сочинитель песни о походе Игоря на половцев»). Есть здесь и размышления о термине «козак», впоследствии развитые в серии специальных этнографических трудов автора, и мысли о нравственности народа со ссылками на Жан-Жака Руссо, и многое другое из того, что входило в круг постоянных пушкинских интересов¹⁰.

В одесский период А. И. Левшин также воспринимался в литературных кругах прежде всего как писатель. Не случайно

А И Лёвшин
lib.pushkinskijdom.ru © современной литографии

И. И. Срезневский, будущий профессор-славист, предпринимая издание альманаха, выражал надежду, что ему в этом начинании поможет Алексей Ираклиевич — «...как сами Литератор и как покровитель наук и Литературы...»¹¹

Сам Левшин также не упускал случая, чтобы подчеркнуть, что считает себя литератором. Обращаясь к А. Г. Тройницкому, который просил разрешения на то, чтобы использовать материалы, ранее собранные Левшиным, для подготовки сборника, посвященного Одессе, он писал: «... я смотрю на вас как на литературного собрата, который в должной мере оценит побуждения мои и участием своим может придать цену всей работе»¹².

Уже в те годы у Левшина имелась обширная библиотека. Ею пользовались, главным образом, лица, имевшие отношение к изящной словесности: В. И. Туманский приходил сюда читать журналы; А. А. Скальковский брал здесь книги, необходимые для литературной работы. Один из одесских литераторов, по всей вероятности поэт В. Г. Тепляков, элегиям которого Пушкин посвятил высоко положительную рецензию, как-то раз получил от Левшина каталог этой библиотеки в сопровождении следующей любезной записки ее владельца: «Я скуп на книги, но не менее того почитаю обязанностью всякого просвещенного человека, — содействовать другим в литературных трудах. Мне сказали, что вы занимаетесь каким-то сочинением. Посылаю вам каталог моей библиотеки. Если вы найдете в оном что-нибудь вам нужное, можете располагать ею»¹³. Часть своих книг А. И. Левшин передал в фонды основанной по его инициативе Одесской публичной библиотеки. Сюда же поступили средства, вырученные в результате одного из его литературных начинаний — от издания «Одесского вестника». Самое активное участие принимал он и в выпуске «Одесского альманаха».

Вполне естественно, что за Левшиным и у современников и в позднейшей литературе прочно укрепилась репутация писателя. Этим-то он и был интересен Пушкину. «Пушкин ценил его как писателя», — справедливо отмечал в свое время пушкинист С. Я. Гессен¹⁴.

Как писателя ценил Левшина и В. Г. Белинский. В одном из своих обзоров критик отнес книгу А. И. Левшина «Прогулки русского в Помпеи» к числу замечательных «оригинальных сочинений учено-беллетристического содержания»¹⁵.

Политические взгляды молодого Левшина, несмотря на

тесные служебные связи с графом Воронцовым, в начале 20-х годов отнюдь не были реакционными. Он был убежденным сторонником отмены крепостного права: «... в 1828 году, будучи в Париже, в собрании иностранцев..., я провозгласил тост за освобождение крестьян в России»¹⁶.

По окончании университета он заказал себе печать со своим вензелем и с республиканским афоризмом (по-латыни): «Любовь сограждан — моя награда». В условиях того времени этот жест воспринимался как поступок, типичный для свободомыслящей, «околодекабристской» молодежи. Об этом рассказал сам Левшин: «В конце 1825 года, после декабрьских происшествий, один приятель посоветовал мне прибрать эту печать и менее высказывать мое удивление к древнему Риму»¹⁷.

О том, что к моменту приезда в Одессу и встречи с Пушкиным Левшин был по своим убеждениям гораздо левее, чем в позднейший период, можно судить по другому его признанию. Он рассказывает, что взгляды его сильно изменились в результате постоянного общения с Воронцовым в качестве постоянного походного секретаря. Молодой, не лишенный честолюбия чиновник, проводя дни и ночи в одной коляске со своим вельможным начальником, ночуя с ним иногда в дороге «на одной охапке сена», беседуя «нараспашку» долгими часами за письменным столом, постепенно сблизился с наместником и «вошел в отношения исключительные». «Таким образом,— вспоминал впоследствии Левшин,— я в течение трех лет совершил дополнительный курс моего политического образования, и признаюсь, что за эти три года идеи мои много изменились к лучшему»¹⁸. Понятно, что «лучшими» дряхлеющий сановник, первоприсутствующий член Сената, каким был Левшин в момент, когда писались эти слова (1868 г.), считал идеи консервативные. Но Пушкин застал его в лучшие времена — когда этот процесс «политического образования» еще не завершился. И тот факт, что Воронцову понадобилось затратить целых три года на то, чтобы постепенно изменить воззрения своего ближайшего подчиненного, сам по себе говорит о многом.

Впрочем, и двадцать пять лет спустя Левшин, по мнению советских историков, совсем не был убежденным реакционером. Среди его сослуживцев по министерству государственных имуществ, где он возглавлял департамент сельского хозяйства, были люди, близкие к декабристам. Сам он принадлежал к числу

«образованных честных работников, свободных от крепостнических взглядов своего времени»¹⁹.

Конечно, правитель походной канцелярии графа Воронцова (а затем одесский градоначальник) отнюдь не принадлежал к декабристским кругам. Как чиновник-службист, он вряд ли привлекал особые симпатии Пушкина²⁰. Дружбы между ними не было, не было, видимо, и переписки — не случайно запрос о Левшинской статье сделан через третье лицо. Но Левшин как молодой одаренный литератор и человек довольно либеральных принципов должен был вызвать у Пушкина несомненный интерес.

К тому же он приехал в Одессу из Оренбурга с собранными там обширными материалами о Казахстане, о казахах, киргизах и других восточных народах. К этому времени уже была опубликована и работа Левшина об уральских казаках, впоследствии неоднократно штудированная и высоко оцененная Пушкиным. Таким образом, А. И. Левшин зарекомендовал себя в ту пору как начинающий, но уже серьезный ученый.

Наконец, из ряда вон выходящими и даже окруженными некоторым ореолом таинственности были те два или три года, с 1820 по 1822 (согласно другим данным, по 1823), которые Левшин, до переезда в Одессу, провел в Оренбурге. Они совсем не были похожи на скучную службу в Петербургском министерстве иностранных дел, куда, напомним кстати еще раз, Алексей Ираклиевич поступил, как и на службу в канцелярию Воронцова, тоже почти в одно время с Пушкиным, в 1818 году (вероятно, познакомились они уже тогда).

В Оренбург Левшин был направлен с чрезвычайным поручением.

Некрологические заметки осторожно характеризуют это поручение как командировку сугубо научного характера. Примерно в таком же духе трактует ее один из историков Уральского края. А в императорском рескрипте глухо говорится о том, что А. И. Левшин обратил на себя внимание начальства «...еще в самой ранней молодости отличным исполнением важного дипломатического поручения в отдаленных малоизвестных тогда киргизских степях...»²¹

Зачем же направлен был Левшин в Оренбург и зауральские степи?

С одной стороны, «... для собирания возможно полных сведений о киргизах...»²²

С другой стороны — для прямых переговоров с предводителями казахских родоплеменных и феодальных союзов.

«...Я отправился в Оренбург, — рассказывал Левшин, — в качестве помощника (В. Ф. Тимковского. — Л. Ш.) по сношениям с киргиз-кайсацкими ордами...» Сам капитальный труд его явился не столько результатом литературных и архивных занятий, сколько плодом «...моих частых поездок в Киргизскую степь и непрерывных сношений с ханом и султанами киргизскими...»²³

Особое государственное значение, которое придавалось миссии Левшина, было подчеркнуто тем, что в «зауральские степи» он был послан «... по Высочайшей воле...»²⁴.

О чем Левшин вел переговоры с казахами?

Рассказ одного из лично близких к нему людей, побывавшего в Казахстане несколько позднее, не оставляет никаких сомнений: А. И. Левшин, несмотря на свою молодость, вел серьезную дипломатическую деятельность, способствовавшую сближению казахов с русскими и подготовке к добровольному вхождению казахских племен в состав России. Разумеется, он выполнял при этом определенные поручения правительства, преследовавшего свои колонизаторские цели. Но как человек либеральных политических взглядов и незаурядной просвещенности он вышел далеко за пределы официальных директив. Молодой русский чиновник целые дни проводил в юртах простых кочевников-казахов, вникая в их быт, культуру, насущные нужды. Своей отзывчивостью и доброжелательностью он расположил к себе здесь немало людей. Много лет спустя в кочевьях Внутренней Орды за Ахтубою «...было живо воспоминание о том, как он заботливо вникал в потребности новых русских подданных и тем заставлял их любить Россию». Далее тот же очевидец рассказывает: «Хан Джангир Букеев говорил мне: «Мы только раз и видели в наших степях человека, который соединял в себе столько доброты и честности!» Подобные же отзывы слышал я и под сенью дымных кибиток, от старожиллов киргизов из числа простолюдинов. Вспоминая о нем, они прибегали к сравнениям, которыми так богата поэзия Востока...». «...Я с этой минуты не переставал гордиться соотечественником, который умел привлечь, расположить к нам и так сказать приголубить... и дать... столь выгодное понятие о русских. Завиден жребий дипломата, когда ему удается привить соседнему народу любовь к стране, которой он есть представитель...»²⁵

Поведение Левшина резко отличалось от обычных действий царских чиновников-колонизаторов. Недаром казахи говорили, что только раз и видели в своих степях такого доброго и честного человека! И немудрено, что местные власти отнеслись к его появлению недружелюбно: «...оно стесняло многие низшие власти в произвольных действиях их...», — свидетельствует сам Левшин. Непосредственный начальник Левшина — фактически его товарищ по командировке — был отозван в Петербург. А сам он остался в Оренбурге «...без определенных отношений к местным властям и почти без дела...»²⁶

Так на самом деле выглядело то, что полвека спустя царский рескрипт объявил благосклонным «вниманием начальства» к отличному исполнению начинающим чиновником важного дипломатического поручения!

Такой Левшин — молодой, смелый, любознательный, сдружившийся с кочевниками-казахами «из числа простолюдинов» и рассорившийся с оренбургским начальством — такой человек вполне мог рассчитывать на внимание и интерес Пушкина.

Со своей стороны, литератор Левшин хорошо понимал, что представляет собою как писатель есылный коллежский секретарь Александр Пушкин. Даже в своих стариковских воспоминаниях, написанных во многом с весьма консервативных позиций, он не мог отрешиться от ощущения исключительности Пушкина в среде дарований достаточно крупного масштаба, которыми изобиловала в 1820-е годы Одесса. Вот эти слова, не приводившиеся, насколько нам известно, в пушкиноведческой литературе: «О других вам не-

известных упоминать не буду, но в заключение скажу вам, что между нами была звезда первой величины нашего литературного мира — знаменитый поэт наш Пушкин»²⁷.

Итак, вряд ли будет ошибочным допущение, что если Пушкин и «не искал быть» (по словам полковника И. П. Липранди) в кругу одесских писателей и был менее близок с Левшиным, чем с поэтом Туманским, то он все же неоднократно встречался с Алексеем Ираклиевичем, беседовал с ним и был в курсе его литературных и научных интересов.

А главным научным интересом А. И. Левшина именно в это время — в 1824 году, в период общения с Пушкиным, — была обработка материалов о казахах и киргизах, материалов, привезенных из Оренбурга.

Об этом с абсолютной неоспоримостью говорят два документа.

Первый — письмо А. И. Левшина, датированное 1824 годом и адресованное Ф. В. Булгарину, который тогда пользовался еще репутацией литератора либерального, приятеля Грибоедова и Рылеева, и был редактором журнала «Северный Архив», где печаталась работа Левшина об уральских казаках.

«Много благодарю вас, — писал А. И. Левшин, — за принятие в службу моих казаков, а еще более за присылку Архива. Давно бы поручил я покровительству вашему еще несколько детей моих; но служба не дает мне времени заняться образованием их (...)». В конце письма Левшин прямо называет имя этих «детей своих», обещая «...прислать вам в скором времени несколько киргизских воспоминаний (...)»²⁸.

Второй интересующий нас документ — это само «киргизское воспоминание», т. е. статья А. И. Левшина «О просвещении киргиз-кайсаков: отрывки из описания орд казачьих», напечатанная год спустя в «Северном Архиве» с обширным редакционным примечанием, в котором, в частности, говорилось:

«...долгом поставляем уведомить публику, что статья сия есть отрывок из полного и подробного описания Орд-Козачьих, составленного в 1822 году на границе Киргизской. Автор жил там около двух лет, наблюдал, собирал сведения от старейших сего народа, пользовался делами оренбургского архива и сравнивал, и потому-то сочинение его чрезвычайно важно для отечественной истории и статистики. Нетерпеливо ожидаем выхода оно́го в свет»²⁹.

Итак, в середине 20-х годов в столице «нетерпеливо ожидали» выхода в свет монографического труда А. И. Левшина. Сам он в это время занимался «образованием» своих «киргизских воспоминаний». Именно к этому времени относится его личное знакомство с Пушкиным. Поэт знал, над чем трудился Левшин. Туманский упоминает об одном из томов «его описания Киргизов» мельком, как о чем-то без всяких пояснений понятном Пушкину — как о хорошо известном ему материале, не требующем точного озаглавливания в деловом письме.

Из всего этого возможен, как нам кажется, только один вывод: фраза Пушкина «Не лъзяль чего отъ Левшина?» является просьбой о присылке каких-либо свежих, еще не опубликованных материалов из подготовлявшегося А. И. Левшиным фундаментального трактата о казахах и киргизах.

Делать все что угодно — только
должно думать, чтобы все было
делано с любовью и благодарностью,
как вы знаете из моего письма
и письма к Николаю — так сказать
иногда забывал об этом и пишу
только своим интересам и
только Муромову, в Курском
двуязычии в Муроме. В
этом случае не забуду
еще на Каменском двуязычии
Муромову Муромову — двуязычии
и Муром Муромову Муромову.
Письмо мое к Муромову об этом
двуязычии Муромову — Муромову
и Муромову Муромову Муромову.

lib.pushkin Письмо А. С. Пушкина к В. И. Туманскому с заказом материалов от А. И. Левшина,

Так, по прямому заказу, при активном содействии и при личном посредстве великого русского поэта в августе 1827 года увидела свет первая отечественная научная работа, специально посвященная установлению подлинных самоназваний киргизского и казахского народов и некоторым этнографическим особенностям «подлинных киргизов».

Остается выяснить, прочел ли Пушкин статью Левшина о казахах и киргизах, а также установить, отразилась ли она в каких-нибудь пушкинских произведениях.

Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего еще раз просмотреть письма поэта, относящиеся к 1827—1828 годам. Здесь, правда, нет прямых упоминаний о Левшине и его труде. Но зато — много замечаний о журнале «Московский вестник» в целом. Из них явствует, что Пушкин читает каждый номер от доски до доски и ревниво следит за успехами издания, которое он на первых порах считает своим детищем, у публики: «у меня на руках Моск. (овский) вестник, и я не могу его оставить на произвол судьбы...» (XIII, 334). Особое внимание поэта привлекают научные материалы. Он даже опасается, что журнал, научный раздел которого испытал, вопреки замыслам Пушкина, сильное воздействие немецкой идеалистической философии, отпугнет читателей своим умозрительным характером³⁰.

Статья Левшина была ученым сочинением совсем иного рода: сугубо конкретным, хорошо написанным (недаром автор был почти профессиональным литератором!) и связанным с предметом, который представлял незаурядный общественный интерес. Привлекала

она и своей оригинальностью, своим полемическим, почти сенсационным заголовком. Это была первая в отечественной науке печатная работа, специально посвященная вопросу об отличии киргизов от казахов.

Основной предмет исследования для Левшина — казахи, но, стремясь к точному определению этнических особенностей казахского народа, он подробно выясняет самоназвание киргизов, вопросы происхождения, расселения и быта киргизского народа. «К и р г и з,—пишет автор в первых же строках,—есть название народа совсем другого, народа (...), и до ныне существующего под именем Кара (черных) Киргизов, Закаменных Киргизов и Бурутов»³¹.

Неоднократно подчеркивает Левшин, что «закаменные» (т. е. горные) киргизы — это и есть «настоящие», «древние», «подлинные» киргизы, единственные законные носители этого имени. Приведя сводку исторических сведений о киргизах (по Абулгази-Багадур, Плано Карпини, китайским источникам, Клапроту и др.), исследователь возвращается к различным наименованиям киргизского народа и показывает, что эпитеты «кара» (черные), «закаменные», «дикие», «восточные», а также название «буруты» неорганичны киргизскому народу, а имеют хождение только у соседствующих с ним и других народов³².

В числе отзывов о киргизах Левшин приводит любопытное суждение китайского автора, цитированное ранее русским синологом Е. Ф. Тимковским: «Кэргизы бедны, но отважны: не думают о жизни (...) и храбры на войне»³³.

Свежесть материала и четкость изложения привлекли к статье А. И. Левшина внимание многих чита-

телей «Московского вестника». На имя официального издателя журнала М. П. Погодина стали поступать отклики. Некоторые из них, с дополнениями и коррективами к левшинским материалам, сохранились³⁴. Нет сомнения, что Пушкин, являвшийся тогда «главным духом» журнала (XIII, 326) и подготовивший опубликование статьи Левшина, был ознакомлен с этими откликами. А они, в свою очередь, должны были вернуть его ко все той же статье, заказанной им своему одесскому знакомцу.

Журнал «Московский вестник» за 1827 год находился в личной библиотеке Пушкина. Правда, некоторые номера, в том числе шестнадцатый, где была напечатана статья Левшина, сегодня в ней отсутствуют. Но в свое время здесь очевидно имелся полный комплект: «Многих книг, мне всякого сомнения бывших у Пушкина, в ней не оказалось», — писал исследователь пушкинской библиотеки Б. Л. Модзалевский³⁵.

Самое же веское и бесспорное доказательство отличного знакомства поэта с материалами левшинской статьи таково. Пушкин с исключительным вниманием изучал книгу А. И. Левшина, в состав которой, в качестве первой главы второй части, вошла интересующая нас статья³⁶. Исследование А. И. Левшина занимало почетное место в личной библиотеке Пушкина. Оно хранит следы глубоких пушкинских штудий. Среди разрезанных — в частности, и те страницы, где автор характеризует киргизов в отличие от казахов³⁷.

О книге Левшина, посвященной уральским казакам, Пушкин отзывался как о сочинении, «отличаю-

щемся, как и прочие произведения автора, истинною ученостью и здравою критикою» (IX—1, 85). Среди «прочих произведений» имеется в виду и книга о «киргиз-казацких» степях. Она цитируется Пушкиным в «Истории Пугачева» вслед за сочинением другого русского ученого-востоковеда, о котором речь у нас пойдет дальше (IX—1, 96).

То, что Пушкин так серьезно отнесся к труду Левшина, стало известно еще при жизни Алексея Ираклиевича.

На торжестве в честь пятидесятилетия служебной деятельности А. И. Левшина об этом заявлено было во всеуслышание. Ф. А. Бюлер, пользовавшийся «Описанием Киргиз-Казацких... орд» как своеобразным путеводителем во время своих поездок по казахским степям в 1840-х годах, рассказывал: «Книга его (А. И. Левшина.— Л. Ш.) о Киргизах, которая, по полноте и добросовестности ее состава, справедливо считается классическим и единственным в своем роде сочинением, и которую за несколько лет перед тем тщательно изучал наш знаменитый А. С. Пушкин, эта книга чрезвычайно облегчила мою поездку по ту сторону Ахтубы во Внутреннюю Орду»³⁸. Надо принять во внимание, что говорилось это человеком, лично близким Левшину, членом его семьи, в присутствии юбиляра. Интерес Пушкина к «Описанию Киргиз-Казацких... орд», таким образом, был фактом, очевидно весьма лестным для автора — с точки зрения самого Левшина.

Этот интерес великого поэта к сочинению его одесского сослуживца был специально отмечен и в некрологической заметке о Левшине: «Командированный в

киргизские степи, он (А. И. Левшин.— Л. Ш.) основательно изучил их и составил «Описание киргиз-кайсацких орд и степей», которое так тщательно изучал А. С. Пушкин, товарищ по службе А. И. Левшина»³⁹. Внимание Пушкина осмысливается здесь как одно из величайших достижений всей жизни и деятельности Левшина!

По всей вероятности, встречи с Левшиным дали один из первых толчков развитию специальных «восточных» интересов Пушкина. Конечно, в поэтическом плане этот интерес был разбужен еще раньше — личными кавказскими и бессарабскими впечатлениями, антуражем романтических произведений, особенно поэм Байрона, богатейшей литературой востока, вдохновившей впоследствии пушкинские «Подражания Корану». Но научными востоковедческими изданиями поэт начинает усиленно интересоваться именно с этого времени.

Свидетельство тому, например, следующий факт. Как напомнил акад. М. П. Алексеев, в апреле 1825 года, вскоре после приезда в Михайловское, Пушкин заказывал брату «Сибирский вестник весь». Он был прислан Пушкину и сохранился в составе его библиотеки за время с 1818 по 1824 годы⁴⁰. В этом журнале имелись интересные материалы о киргизах, привлекавшие внимание А. И. Левшина. Им, в частности, обильно цитировался китайский источник, в котором мы находим такое, например, высказывание: «Они (киргизы-буруты.— Л. Ш.)... не слагают с себя оружия ни в какое время, а потому столь искусно умеют управлять оным, что почитаются от своих соседей непобедимыми»⁴¹. Не вызван ли интерес Пушкина

к этому замечательному научному изданию недавними одесскими беседами с А. И. Левшиным и его рекомендациями?

Многочисленные факты, однако, говорят о том, что внимание поэта к материалам о жизни народов Казахстана и Средней Азии, в том числе казахов и киргизов, в двадцатые годы только еще зарождалось. Наиболее живо увлекла его эта тема в тридцатые годы, когда были написаны «Капитанская дочка», «История Пугачева», «Памятник». Собирая материалы о Пугачевском восстании, об участии в нем народов восточных окраин России, Пушкин совершил путешествие по тем самым дорогам, по которым до него проехал А. И. Левшин — через калмыцкие стойбища, в Оренбург, к границам казахских степей.

3. По следу, проложенному Пушкиным

(Документы об «Алатай-киргизах»)

Следовать за мыслями великого человека — наука самая занимательная. Эта пушкинская мысль (высказанная, кстати говоря, похожими словами и в одном из очерков А. И. Левшина¹) приходит на ум, когда знакомишься с заметками самого Пушкина и с источниками его исторических и историко-художественных произведений. Идя шаг за шагом по стопам литературных и научных интересов поэта, можно встретить не только множество глубоких и оригинальных мыслей, но порою — и ценнейшие фактические материалы, оставшиеся до самого последнего времени неизвестными современной науке.

Так обстоит дело и с «киргизско-казахскими» интересами Пушкина.

Сочинения Левшина, как нетрудно было предположить, служили поэту отнюдь не единственным источником информации об этих народах. Поскольку он

вновь соприкоснулся со сведениями о казаках и киргизах в работе над лугачевской темой, естественно было искать такие источники среди трудов русских писателей и ученых XVIII века.

Правда, история русской науки этого времени о киргизах почти не изучена. Библиографические указатели, посвященные ей, начинаются второй половиной столетия. Можно было думать, что до того русская наука киргизами не занималась.

Однако старинные документы, относящиеся к концу первой половины восемнадцатого века и опубликованные в отрывках почти сто лет назад историком русской науки П. Пекарским, содержали в себе косвенные, но, на наш взгляд, достаточно определенные намеки на то, что о среднеазиатских киргизах еще до 1750-го года знали и писали по крайней мере два русских ученых.

Один из них фактически только начинал свою ученую карьеру. Это был Петр Иванович Рычков, оренбургский чиновник, историк и этнограф. В будущем ему суждено было стать знаменитым ученым, крупнейшим авторитетом в вопросах географии и этнографии восточной части русского государства, членом-корреспондентом Академии Наук. За долгую жизнь свою он написал множество сочинений по широкому кругу вопросов, главным образом об Оренбургском крае и сопредельных с ним народах. Пройдет почти девяносто лет — и Пушкин с уважением будет писать о «...любопытной летописи нашего славного академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинной ученостию и добросовестностию — достоинствами столь редкими в наше время...» (IX—1, 389—390).

Но в момент, который нас заинтересовал, тридцатисемилетний Рычков сравнительно мало известен. Его капитальные сочинения еще не напечатаны. Он ищет поддержки у столичных просвещенных вельмож, «благодетелей» и «милостивцев».

Таким сановным покровителем и доброжелательным ученым наставником выступает в переписке 1749 года высокий адресат Рычкова — тайный советник и академик Василий Никитич Татищев. Это один из самых замечательных его современников. Блестяще образованный, наделенный острым и пронизательным умом, осторожный и неутомимый исследователь, убежденный скептик в вопросах религии, ученый-патриот, «птенец гнезда Петрова», друг «врага Бирона» Артемия Волынского и «просветителя в рясе» Феофана Прокоповича, переживший к этому времени всех своих друзей и все политические бури, в коих он деятельно участвовал, — Татищев заканчивает труд своей жизни, «Историю российскую». Василию Никитичу — шестьдесят пятый год. Ему осталось прожить несколько месяцев. Но он по-прежнему энергичен и неисчерпаемо любознателен.

За короткое время, за каких-нибудь несколько месяцев, старик Татищев собственноручно пишет, своим характерным петлистым почерком, 12 писем Петру Рычкову в Оренбург. Это и есть те письма, которые, в наиболее важных фрагментах, напечатал в монографии «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова» П. Пекарский.

Что же это за переписка двух ученых — одного, завершавшего свое академическое и жизненное поприще, и другого, лишь вступавшего на их порог, — что же

24 113

П. И. Рычков.
С современного портрета.

это за переписка и чем она особо примечательна для нас?

Татищеву нужны были для одной из глав «Истории российской» сведения о народах, обитавших у восточных границ России. Рычков этими сведениями располагал. По просьбе Василия Никитича он их должен был уточнить и дополнить. В казахские степи, к границам Китая, в район Ташкента — в разные концы отправились послы Рычкова. В своих письмах он сообщал Татищеву, как об этом можно судить по ответам последнего, все новые и новые факты.

Однако письмами Рычков не ограничивается.

В конце сороковых годов он, вдохновленный Татищевым, пишет оригинальное исследование — «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются».

«Краткое известие» предназначалось специально для Татищева. Ему оно и было отправлено во второй половине 1749 года.

И вот в декабре того же 1749 года Татищев отвечает Рычкову чрезвычайно обширным и содержательным письмом. Он не только благодарит своего молодого коллегу, но и дискутирует с ним, не только поучает его, но и откровенно делится своими сомнениями по некоторым вопросам. К письму приложены подробные замечания на рукопись Рычкова и перечень советов — «Напомнение на присланное описание народов, что в описании географическом соблюдать нужно»².

Один факт особенно любопытен для нас в этом документе. Татищева поразило в рукописи Рычкова упоминание о «киргизах», находящихся «недалеко от Ташкента». Это не казахи, которых Татищев великолепно знает и тут же упоминает как совсем другой народ, «кайсаков». Но это и не те «киргизы», о которых Василий Никитич знал до сих пор и которые обитали, как он пишет, близ «границы Кузнецкой, за горами Алтай», «между рек Иртыша

и Оби» (то есть, очевидно, Татищев до получения работы Рычкова знал лишь о енисейских киргизах). И ученый делает вывод: либо Рычков ошибся, либо речь идет о новом, до того неизвестном ему, Татищеву, племени. «...Оные киргизы... по описанию вашему якобы не далеко от Ташкента, следственно или иные, или неправильно сказано»³.

Внимательно ознакомившись с напечатанной Пекарским перепиской Рычкова и Татищева, можно было прийти к очень вероятному и важному для нас предположению: видимо, в своем «Кратком известии» молодой оренбургский исследователь, говоря о «киргизах», живущих «недалеко от Ташкента», давал какую-то, более или менее подробную характеристику коренным киргизам — обитателям Средней Азии⁴.

Ответ на этот вопрос мог дать только текст рычковского «Краткого известия о татарах...», посланного более двухсот лет тому назад из Оренбурга в Болдино, поместье Татищева.

Но в монографии Пекарского о Рычкове этот текст не был напечатан.

Не разыскался он и ни в одном из изданий сочинений Рычкова, в том числе вышедших за последние годы⁵.

Даже в книге о Рычкове, опубликованной в 1953 году, упоминается не о печатной, а о рукописной работе «Краткое известие о татарах...»⁶.

Таким образом, окончательно решить, писал ли Рычков в 1749 году⁷ о подлинных киргизах (а не о казахах, ошибочно названных «киргизами») и узнать, что же он собственно о них рассказывал, можно было лишь одним путем — разыскав таинственный манускрипт и прочитав его...

Биограф Рычкова читал его рукопись в библиотеке Академии Наук. Но сыскалась она в другом месте. Ныне она находится в хранилище Архива Академии Наук Союза ССР в Ленинграде. Там и довелось нам познакомиться с нею.

Скажем сразу: манускрипт «Краткого известия о татарах» полностью оправдал все ожидания. В нем оказалась развернутая и во многом совершенно оригинальная характеристика подлинных, или, говоря позднейшими словами сына Рычкова, «коренных» киргизов.

Но сначала — несколько слов об общем содержании труда П. И. Рычкова.

Уже по зачину рукописи видно, что оренбургский ученый рев-

ниво заботился о восстановлении исторической истины, искаженной в писаниях многих европейских авторов. Все они, не задумываясь, называли представителей тюркских народов, обитавших в Приуралье, в казахских степях и в Средней Азии, общим именем — «татары». Какие имелись для этого основания? По мнению Рычкова — никаких: «...европейцы... под сим именем болшею частию такне народы описывали, которые сами сего имени никогда не употребляли...»⁸

Чем же объясняется такая очевидная и столь широко распространенная ошибка? Да попросту тем, что писавшие о «татарах» сами-то никогда в степях Средней Азии и Сибири не бывали и в глаза этих народов не видывали. Употребляли же они огульно и облыжно такой термин понаслышке — «...уверяясь токмо сказаниямч иногда и по своим разным мнениям, не быв в тех сторонах и не зная орижена⁹, где подинно татарский народ начался, как и когда распространился»¹⁰.

По-иному решил поступить Рычков. Обитателей Поволжья Приуралья и казахских степей он знал хорошо, самолично изучал их язык, быт и нравы. А для того, чтобы раздобыть сведения о более далеких народах, он отправил верных людей «до Бухар и далее». Им он «заказал», чтобы они, «не жалея денег», от тамошних народов «гисторические книги» доставали¹¹.

Но книжными свидетельствами ученый не довольствовался. Следуя указаниям Татищева, он настойчиво требует, чтобы едущие из Оренбурга на юг купцы при случае допытывались: как величают себя живущие там народы, какое имя присваивают они себе? Самоназвание народа — вот наиболее надежный, с точки зрения Рычкова, источник для научных суждений.

Такой, передовой для своего времени, исследовательский метод помог Рычкову в кратчайшие сроки добиться блистательных результатов.

Во-первых, он, едва ли не первый в европейской науке, устанавливает общее родовое имя для ряда народов, говоривших на сходных языках: «тюрки». «...Посыланные из Оренбурга в Ташкент, в Хиву и в другие тамошние города достоверные люди свидетельствуют, уверяя заподлинно, что обитающие там народы вообще татарского имени никогда себе не присвоят, но именуют себя генерално¹² т ю р к и или турки...»¹³

Во-вторых, он дает развернутую характеристику, каждому в отдельности, множеству самостоятельных народов, ранее поголов-

но именовавшихся в европейской литературе татарами. Этих народов так много, что их описание Рычков оформляет в виде алфавитного перечня. Перед нами — маленькая энциклопедия тюркоязычных народностей, занимающая более половины рукописи, двадцать две страницы (в лист писчей бумаги), аккуратно заполненных убористым почерком.

Между прочим, в своем описании «по порядку алфавитному» Рычков останавливается и на характеристике казахов. Они фигурируют здесь под заглавным именем «киргиз-кайсаки», надолго закрепившимся в русской литературе. Однако тут же автор «Краткого известия» — впервые в русской науке — подчеркивает неточность этого термина: «К и р г и з к а й с а к и, правильное же к и р г и з к а з а к и, или просто казаки...»¹⁴. Казахи, по Рычкову, «народ сильной». Хотя джунгарский повелитель «многожды покушался» покорить «меньшую» и «среднюю» казахскую орду, «но того учинить не мог»¹⁵.

Любопытно, что, идя в разрез со всей последующей русской литературной традицией, П. И. Рычков в своей рукописи ни разу не называет казахов «киргизами» или «киргизцами».

Правда, о киргизах он упоминает, но это для него совсем другой, совершенно самостоятельный народ.

В алфавитном перечне Рычкова слово «киргизы» снабжено примечанием-отсылкой: «К и р г и з ы, смог-ри выше сего а л а т а е в с к и е к и р г и з ы»¹⁶.

«Алатаевские киргизы»... Какой неожиданный и странно знакомый термин! Он сразу заинтриговывает, напоминая о горах Ала-Тау, или, по-киргизски, Ала-Тоо, с которыми киргизский народ издавна привык связывать свою историю, свою современность, свои песни и легенды.

Снова листаем, возвращаясь к началу рукописи «по порядку алфавитному», страницы рычковской рукописи.

Упоминая гор Ала-Тау и развернутой характеристикой «Алатай-киргизов», как оказывается, начинается все предпринятое Рычковым описание восточных народов.

Героический, могучий, воинствующий народ, не покорившийся джунгарским завоевателям, живущий среди суровой и неприступной природы,— такими выступают киргизы XVIII столетия в обрисовке П. И. Рычкова. Вот эта первая в русской научной литературе развернутая характеристика «алатаевских киргизов».

«Алатай киргизы, народ кочевой и сильной за Ташкентом, от Большой кайсацкой орды расстоянии в пяти или шести днях, кочует около городов Ходжента, Найматана и Марталана в горах каменных и неприступных. Они (т. е. горы.— Л. Ш.) именуются Алатау (отколь сей народ и звание имеет) и суть между Зюнгорского владения и реки Сырь Дарьи называемой при урочищах Балхалжи и Коркур.

Их некоторая часть состоит под зюнгарами, а прочие — особо, которые часто воюют з зюнгорскими калмыками.

И збирается их на войну от дватцати до тритцати тысяч человек.

Киргиз кайсацкой за Яиком кочующий и в трех ордах состоящий народ, по разным сказаниям, суть отродие оных алатай киргизов...»¹⁷

Целое столетие отделяет труд Рычкова от вхождения Киргизии в состав государства Российского. Описывая в числе других народов «алатаевских киргизов», любознательный оренбуржец рассказывал о племенах, живших далеко за окраинами его отечества.

Но он верил, что как его сообщение (которое он лишь сжато «в коротком времени... изобразить мог»), так и другие известия и наблюдения (которые, чаял он, непременно воспоследуют) принесут большую пользу родной науке. «...Чрез что,— писал ученый-патриот,— может быть не только к татарской, но и наша российская истории такие дела в сведение и откровение придут, которые доднесь были неизвестны, или знали да не с такою исправностию, как они в существе находят и ныне есть»¹⁸.

В своем предвидении П. И. Рычков не ошибался.

Даже небольшая часть его «Краткого известия...» — один лишь абзац об «Алатай-киргизах» — имела большое научное значение, да и сохраняет его по сей день.

Для специалиста по истории СССР ценны точные указания Рычкова о местах, где кочевали киргизы в середине XVIII века¹⁹, о их взаимоотношениях с «зюнгарами» (джунгарами-калмыками), о их могуществе («народ сильной»), о численности их воинских сил.

Для этнографа любопытны упоминания о народных легендарных генеалогических версиях, представлявших казахов как одну из позднейших ветвей киргизского народа.

Для каждого читателя, и особенно для специалистов по истории отечественной науки, чрезвычайно интересен бережно сохраненный Рычковым термин «алатаевские киргизы», или «Алатай-киргизы». Термин чрезвычайно редкий, в русской науке XVIII в. и первой половины XIX в., пожалуй, более ни у кого, кроме Рычкова и повторившего его Татищева, не встречающийся. И в то же время термин максимально точный. Он, по-видимому, восходит к одному из самоназваний

киргизского народа — в этом сказалась удивительная добросовестность Рычкова, никому и ничему так не доверявшего, как слову народа о самом себе! В массе киргизского народа донные кое-где сохранилось такое самоназвание: «Ала-Тоолук кыргыздар». Правда, в настоящее время оно чаще встречается среди казахов, и это может навести на предположение, что информаторами посланцев Рычкова были представители казахского населения. Но небезынтересно, что нередко термин этот звучит и в стихах современных киргизских акынов, являясь привычным источником поэтических метафор. Для Дж. Боконбаева киргизы — это народ Ала-Тоо:

Душман жойлоп өтпөгөн,
Чебин сонун, Ала-Тоо,
Тулку бою темирдей,
Элин сонун, Ала-Тоо.
(«Кыргыздын Ала-Тоосу»)

Враг твердыни твоей порог
Не перейдет, Ала-Тоо.
В железе он — с головы до ног —
Твой народ, Ала-Тоо!
(«Киргизский Ала-Тоо») ²⁰.

Этими же словами — «Ала-тоолук кыргыз эли» («народ Ала-тоо-киргизов») начинается Государственный гимн Киргизской ССР:

Ала-тоолук кыргыз эли тайманбай,
Сансыз жоодоң эркиндигин талашкан.
(Киргизский народ Ала-Тоо бесстрашно
Защищал свою волю от несметных врагов),

С полным правом можно сказать, что русский ученый восемнадцатого столетия ввел в науку народный термин для наименования горцев киргизов, термин, которым этнографы пренебрегали на протяжении веков.

В настоящее время, после того как в 1959 году нами были опубликованы отрывки из рукописи П. И. Рычкова, его имя и его свидетельства по праву открывают раздел об истории киргизоведения в фундаментальном академическом труде «Народы Средней Азии и Казахстана». Автор главы «Киргизы» в этой энциклопедии восточной этнографии С. М. Абрамзон справедливо подчеркивает: «Первым русским ученым, который привел достоверные сведения о киргизах, обитавших в Средней Азии, был П. И. Рычков... Рычков дает оригинальную краткую характеристику собственно киргизов, которых он отличает от «киргиз-кайсаков» или «казаков» (казахов)»²¹.

Рукопись П. И. Рычкова имеет, наконец, особый интерес для темы «Пушкин и киргизы», которая и толкнула нас на розыски этого документа.

Дело в том, что манускрипт Рычкова повлиял, возможно — прямо и непосредственно (а быть может и через посредство других книг), на те упоминания о киргизах и казахах, которые встречаются на пушкинских страницах.

Нити, ведущие от «Краткого известия...» к «Истории Пугачева», очевидны.

Спустя двенадцать лет после переписки Рычкова и Татищева, в 1762 году, вышла из печати первая часть книги «Топография оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное...

Петром Рычковым». Сюда автор почти дословно включил ту часть «Краткого известия о татарах», где говорится о казахах и «Алатай-киргизах». К известному уже нам описанию добавлены лишь некоторые уточнения. «Киргисцы» названы теперь не только «сильным», но и «многолюдным» народом. Резче подчеркнута независимость «Алатай-киргизов»: «...и хотя их на войну збирается не более как тридцати тысяч человек, но по ситуации их жилищ зюнгарцы и никто из тамошних владетелей преодолеть их не могут». «А по Карпеину, Чингис не мог покорить их, яко в неприступных местах живших, и будучи многими походами и намерениями обязан, может быть оставил их непокоренных...» С особой настойчивостью Рычков повторяет, что его сообщение о киргизах основано не столько на книжных источниках, сколько на достоверных живых свидетельствах: «По имеющимся же в Оренбурге известиям, кроме здешних в Российском подданстве состоящих, есть еще сильной и многолюдный народ киргисцы за Ташкентом, около городов Ходжанта, Наймайчина и Марталана, которые кочуют там в каменных и неудобоприступных горах, называемых Алатау, от коих гор и называются они Алатай киргисы»²².

Книгу, в которой напечатаны эти сведения, читал А. С. Пушкин. Она имелась в его личной библиотеке. Сохранившийся экземпляр исчеркан карандашом поэта. «Топография оренбургская» углубленно штудировалась Пушкиным во время работы над «Историей Пугачева»²³. Она цитируется в этом труде и используется автором, наряду с другими работами Рычкова, в ответе на выпады реакционных критиков²⁴.

Теперь, после знакомства с ранними трудами П. И. Рычкова, можно с большой определенностью объяснить смысл той терминологической оговорки, которую сделал Пушкин на первой же странице и в первом же абзаце своего трактата о Пугачеве.

Слева от Яика, писал Пушкин, «...простираются печальные пустыни, где кочуют орды... племен, *известных у нас* под именем киргиз-кайсаков» (IX—1, 7. Подчеркнуто здесь и далее нами.— Л. Ш.).

Пушкин сознательно избегает от своего имени называть казахов «киргиз-кайсаками» или «киргизцайми». Он подчеркивает, что это — термин условный. Таким именем, пишет он, обычно называют казахов «у нас», в России, в русской литературе.

Подлинное самоназвание казахов Пушкину было давно известно из трудов Левшина и других авторов. Но когда поэт приступил к своему историческому сочинению, об этом подлинном имени кочевников приуральских степей ему напомнил вновь прочитанный и несколько раз перечитанный Рычков.

Именно П. И. Рычков первый указал на неточность термина «киргиз-кайсаки» и «киргизцы» применительно к казахам: «...правильнее же киргиз-казаки или казаки»²⁵. В письме к академику Миллеру, которое также возможно было известно Пушкину, он выразился еще определеннее, подчеркивая важность самоназвания народа: «...киргизцы называют себя просто к а з а к а м и, а иногда с приложением слова к ы р г ы з, или к ы р г ы з - к а з а к...»²⁶.

Любопытно, что даже форма географического и этнографического описания, данного Пушкиным, кое

в чем напоминает некоторые формулировки П. И. Рычкова.

У Пушкина: *«слева (от Яика.— Л. Ш.) простираются печальные пустыни, где кочуют... орды племен... киргиз-кайсаков».*

У Рычкова: Киргиз-кайсаки... народ сильной, кочующий за рекою Яиком...»

У Пушкина: *«племен, известных у нас под именем киргиз-кайсаков».*

У Рычкова, о другом неточном термине — «татары» — применительно ко всем народам Средней Азии: *«...тех азиатских народов, которых мы татарами именуем...»*

Поэт-историк, однако, не воспользовался более точным термином для обозначения казахов, предложенным Рычковым. И понятно — почему. В рычковской транскрипции — «казак» — этот термин полностью совпадал с русским общенародным словом, обозначающим совсем другое понятие — донских, терских, яицких (уральских) казаков. И именно во втором значении Пушкин должен был многократно употребить это слово, потому что собирался рассказывать как раз о яицких казаках, сподвижниках Пугачева. А другой транскрипции — «казах» — в то время еще не существовало. Пользоваться же одним словом «казак» в двух значениях (1-ое — яицкий казак, 2-ое — казах) Пушкин, конечно, не мог: это только запутало бы читателя.

Вот почему поэт избрал особый путь. С самого начала он предупредил читателя, что «киргиз-кайсаки» — термин условный, так называют этот народ только «у нас». В самом же тексте книги это слово

(и его вариант «киргизцы»), ставшее общелитературным после Державина, Пушкин далее использует несколько раз, но при одном неперенном условии — когда воспроизводятся колоритные по языку свидетельства современников исторических событий XVIII века²⁷. А в «Капитанской дочке» это слово звучит только в прямой речи — в устах действующих лиц повести.

Когда же в «Истории Пугачева» дело заходит не о казахах, а о настоящих киргизах, то Пушкин, как мы увидим, вводит иной, самостоятельный термин, близкий к китайской транскрипции: «кэргызцы», — добавляя для уточнения, в скобках: «буруты».

Возможен еще один путь воздействия трудов П. И. Рычкова на Пушкина.

В его библиотеке имелась интересная книга сына оренбургского ученого — капитана Николая Петровича Рычкова. Н. П. Рычков в 1771 году с небольшим конным отрядом совершил рейд через казахские степи в связи с бегством волжских калмыков к границам Китая. В «Дневных записках» своего путешествия капитан много говорит о казахах, называя их, по обычаю того времени, «киргисцами». Но вот он приближается к горному хребту Ала-Тау, и следует новый для читателя факт: «В оных горах обитают *коренные* киргисцы»²⁸. Очевидно, что жители вершин Ала-Тау названы «коренными» в отличие от казахов, т. е. по той же причине, по какой много лет спустя А. И. Левшин уже в заголовке своей статьи назвал «закаменных» (живущих за горами) киргизов «*подлинными*», настоящими.

Откуда капитан Рычков узнал о «коренных» киргисцах?

С представителями этого народа, судя по его дневнику, он не встречался. О жителях Ала-Тоо ему могли рассказать казахи, обитатели окрестных мест. Но в этом случае Николай Рычков скорее всего остановился бы на описании нового для русских ученых народа более подробно. К тому же именно подлинныя киргизы сыграли решающую роль в том событии, которому посвящена его книга: они довершили разгром калмыков, которых преследо-

вал отряд Н. П. Рычкова. Обо всем этом автор ничего не пишет, его отряд прекратил погоню за калмыками и начал обратный марш еще до того, как в дело вмешались киргизы.

Наиболее вероятно поэтому, что капитан своим попутным сообщением о «коренных киргисцах» целиком обязан отцу, П. И. Рычкову. В пользу этого говорит и тесное приурочение нового для читателей народа к горам Ала-Тау, и термин «коренные», который означает не только «настоящие», но и «исконные», т. е. такие, от коих будто бы произошли и прочие «киргисцы» (казахи). И то, и другое характерно, как мы уже убедились, именно для описания Рычкова-отца.

Как бы то ни было, Рычков-сын своим свидетельством путешественника и очевидца как бы подтвердил более ранние сообщения отца. Сделано это в книге, которая была в руках Пушкина и которая касалась того тревожного исторического происшествия 1771 года — бегства волжских калмыков — которым поэт живо интересовался и которому он специально посвятил несколько страниц «Истории Пугачева» (IX—1, 10—11, 95—98).

Наконец, следует учесть, что характеристика «Алатай-киргизов», присланная Рычковым, все-таки была воспроизведена В. Н. Татищевым в «Истории российской». Видимо, сомнения историка были окончательно развеяны уточненным вариантом «Краткого известия о татарах...», который был выслан оренбургским исследователем дополнительно в 1750 году и который дошел до нас в рукописи академического Архива. Сообщение Рычкова повторено в «Истории российской» почти буквально²⁹.

Свои сведения о киргизах и ряде других тюркских народов автор снабдил добросовестной ссылкой на рукописные труды почти не известного тогда оренбургского ученого: «...Что великая Татария от Европейских названа, а они сами оно не употребляют, то я представлю к свидетельству любомудрого Ассессора Оренбургского господина Рычкова, который, по требованию моему, все вышеобъявленное ученым Ахуном Бухарам и пр. показав, их объяснения требовал, и что они ему письменно объявили, то перевести мне прислал, из которого, нужнейшее выбрав, объявлю»³⁰.

В том, что со знаменитым трудом Татищева Пушкин был хорошо знаком, сомневаться не приходится. Его знали все, кто интересовался в то время вопросами русской истории. Пушкин, по-видимому, даже специально изучал его: в архиве поэта была найдена оригинальная рукопись под названием «О Татищеве».

Она регулярно перепечатывается в полных собраниях сочинений поэта как возможно написанная им. Говорится здесь и об «Истории российской», в которой «Татищев решился первый привести в систему разнообразные повествования о России...» (XII, 341—345). Просмотр книги Татищева должен был вновь освежить в памяти Пушкина интересовавшие поэта сведения о киргизах и казахах.

Таковы некоторые пути, которые ведут от раннего труда оренбургского ученого к классическим произведениям русской науки и литературы.

Открытие П. И. Рычкова не пропало.

От Рычкова, через его сына, через В. Н. Татищева и других исследователей XVIII века тянется прямая нить прогрессивной русской науки к А. И. Левшину и к самому Пушкину.

Пристальное и доброжелательное внимание к жизни и истории, к быту и национальной терминологии сопредельных племен и народностей позволило им дать такие глубокие и оригинальные характеристики, которые во многом не утратили своего значения и доныне.

Нам дорог и интересен труд ученого XVIII века П. И. Рычкова, который впервые в русской специальной литературе дал научное описание «алатаевских киргизов», послужившее скромным, но благодарным материалом для крупнейших отечественных писателей-исследователей и имеющее все основания стать, как и мечтал автор, «российской гистории в откровение».

Дорого нам и то, что к воскрешению рычковской рукописи нас привел след, проложенный Пушкиным — замечательным поэтом-историком, неутомимым ученым-следопытом.

4. А. С. Пушкин и Н. Я. Бичурин о «кэргызцах» (бурутах)

так, нам уже известно подлинное отношение Пушкина к терминам «киргизец» и «киргиз-кайсак». Поэт знал, что те, кого в русской литературе обозначали этим именем, сами себя так не называют. Он подчеркнул это на первой странице своего исторического труда и тем самым во много раз увеличил число людей, осведомленных об условности термина «киргиз-кайсак». Ибо, конечно, у Пушкина было гораздо больше читателей, чем у профессиональных ученых, даже тогда, когда он выступал сам как ученый-историк.

Остается выяснить смысл двух других терминов, употребленных на страницах «Истории Пугачева» — «кэргызец» и «бурут». Названия каких народов они здесь обозначают? Откуда они пришли в сочинения Пушкина?

Ответ на эти вопросы дают книги еще одного заме-

*Н Я Бичурин в китайском costume.
С современного портрета.*

чательного ученого пушкинской эпохи — Никиты Яковлевича Бичурина, во монашестве «отца Иакинфа». Пытливый и энергичный, наделенный большими языковыми способностями и неиссякаемым трудолюбием, он много путешествовал, положив начало русской науке о Китае и окрестных ему землях. По убеждениям своим Бичурин был передовым человеком; длительное время ему пришлось томиться в монастырской тюрьме. Круг его близких знакомых составляли деятели прогрессивной русской культуры 1820—1830-х годов.

Первые книги Бичурина, появившиеся почти одновременно с трудами А. И. Левшина о казахах, были переведены с китайского языка. Но обширные предисловия и развернутые комментарии переводчика превращали их в оригинальные научные трактаты.

Посвящены они были поначалу не Китаю, как ожидали современники, а народам, обитавшим у русско-китайской границы. В своей автобиографии он подчеркивал, что, вернувшись в Россию в 1827 году, задумал представить русским читателям «панораму империи китайской», но прежде решил познакомить их со странами, «смежными со Средним царством с запада и с севера». Такой замысел свидетельствовал не только о научной основательности, но и об общественном чутье автора. Это было впоследствии отмечено Пушкиным.

Одна из первых книг Бичурина, относившаяся к этой серии, вышла в 1829 году. Она называлась «Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана».

Уже в предисловии, следуя традициям Рычкова и Татищева, автор обосновывает свое право на исправление китайских источ-

ников там, где они отступают от самоназвания народов. Все географические имена в его переводе «... поставлены под их подлинными нынешними названиями, а не под теми, которые наложены им от соседних народов, нередко сбивчивыми и затрудняющими повествование...»¹

В качестве примера разбирается употребление термина «кэргиз». Еще русский путешественник Мейендорф, напоминает Бичурин, указал, что так называемые киргиз-кайсаки собственно называются «казаками». Но сам Мейендорф проявил непоследовательность и дальше всюду называл их по-старинке киргизами. Главное же затруднение появилось тогда, когда этому путешественнику пришлось описывать тех, кого Бичурин именует «настоящими Кэргизами»: «Но когда дошла речь до настоящих Кэргизов, обитающих между Восточным Туркестаном, Коканом и Бухарою, то (Мейендорф.— Л. III.) принужден был прибегнуть к прибавлению слов *черный и дикий*». Бичурин отмечает этот искусственный термин: «Кхара-Кэргиз (черные кэргизы) не есть имя народа...»² Точно так же не признает он исконности термина «бурут», хотя за последним стоит более серьезная историческая традиция: «...Бурут есть древнее имя Кэргизцов, которым Китайцы и Монголы и доныне называют их». Не принимается и китайская транскрипция «хасак» применительно к казахам, воспроизведенная нездолго перед тем в книге другого русского востоковеда — Е. Ф. Тимковского. Отец Иакинф останавливается на терминах «Казак» (казахи), а также «Кэргиз и Киргиз» (киргизы)³.

Далее в книге рассказывается о различных киргизских племенах и о том, как они расселены в Восточном Туркестане. Описываются общий строй киргизов, их жилища, одежда и пища, говорится об их храбрости и воинственности.

Таким образом, Н. Я. Бичурин уже в этом своем труде проявил большую самостоятельность и критическое отношение к источникам, выступив не столько как переводчик, сколько как оригинальный ученый-исследователь. Исключительно ярко это выразилось именно в вопросе о самоназвании, жизни и быте «кэргизов» — представителей киргизского народа.

Пушкин был хорошо знаком и с самим Бичуриным, и с его трудами. Поэт и знаменитый путешественник часто встречались — например, у писателя и философа

князя В. Ф. Одоевского. «Здесь сходились,— писал современник,— веселый Пушкин и отец Иакинф (Бичурин) с китайскими сузившимися глазами...»⁴ Нет сомнения, что исследователь востока рассказывал поэту о своих скитаниях и открытиях.

В ноябре-декабре того же 1829 года, когда было опубликовано «Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана», Пушкин даже собирался отправиться с отцом Иакинфом и другим ученым (П. Л. Шиллингом) в далекое путешествие на окраины России — в Сибирь, на Дальний Восток, к границам Китая. К этим путешественникам, как полагают историки литературы, обращен написанный тогда стихотворный набросок поэта:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать...
...К подножию ль стены великого Китая...

(III—1, 191).

Таким образом, совершенно неожиданно для автора не произвольной поэтической фантазией, а очень близкими к реальной исторической возможности оказались следующие строки из стихотворения нашего современника, киргизского поэта Кубанычбека Маликова:

Киргизские печальные долины
Ты б увидел за много лет до нас,
Как русские народные былины,
Тебя пленил бы сказочный «Манас»⁵...

Находясь с Пушкиным в дружеских отношениях и стремясь по мере сил отвечать на его научные запросы, Н. Я. Бичурин дарил поэту свои книги сразу же после их выхода в свет. Некоторые из них сохранились в пушкинской библиотеке. На одной из них («Описание Тибета»), вышедшей в 1828 году, имеется следующая дарственная надпись: «Милостивому Государю Моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апреля 26 1828»⁶. Как установлено историками, Пушкин читал также то самое «Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана», где отец Иакинф предложил транскрипцию «кэргиз» для обозначения киргизов-бурутов⁷.

А одно из сочинений Бичурина настолько заинтересовало Пушкина, что поэт познакомился с ним еще до выхода книги отдельным изданием, внимательно изучил его и использовал в своем труде, сопроводив чрезвычайно высокой оценкой.

Это было «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени».

Внимание Пушкина здесь привлек кровавый эпизод сравнительно недавней истории, в котором драматически сплелись судьбы «торгоутов» (калмыков) и «кэргызцев» (киргизов).

Канва событий, взволновавших поэта, такова. В 1771 году волжские калмыки внезапно покинули свои кочевья и направились к границам Китая. Русское правительство снарядило погоню. В ней приняли участие казахские отряды. Беглецов преследовали до предгорий Тянь-Шаня. Здесь решающие удары нанесли местные жители — киргизы. Остатки торгоутов бы-

ли разоружены китайскими пограничными отрядами. Уцелевшие приняли китайское подданство.

Пушкин вначале заинтересовался этим историческим эпизодом, по-видимому только как поводом к возмущению яицких казаков. Дело в том, что часть из них отказалась выступить в погоню за калмыками. Правительство двинуло против уральцев пушки. Вспыхнул бунт. Это был пролог к Пугачевскому восстанию.

Постепенно, однако, весь эпизод стал в глазах Пушкина приобретать и определенный самостоятельный интерес. Поэт начал внимательно изучать источники. Рассказ о калмыках разросся. «Пушкин интересовался этим эпизодом и — может быть — даже преувеличивал его значение, — писал один из позднейших исследователей. В примечании (8-м) к Истории Пугачевского бунта он счел нужным поместить относящееся сюда подробное сообщение ученого востоковеда, в общем мало имеющее отношение к главному предмету сочинения»⁸.

Мы еще попытаемся разобраться в том, почему Пушкина так увлек этот эпизод и какое он имел отношение к главному предмету «Истории Пугачева».

Пока же важно подчеркнуть, что тем ученым востоковедом, обширным материалом которого поэт счел необходимым здесь воспользоваться, был «отец Иакинф» — Никита Яковлевич Бичурин.

Дело обстояло так. «История Пугачева» была уже закончена. Писарь снял с нее копию для представления на высочайшую цензуру, а затем — в типографию. И в самый последний момент Пушкин приобшил к

ваджи на Даллыков со всех сторон; и сей
 Бюлацы целый год должны были на пути
 своем непрерывно сражаться, защищая свои
 семейства отъ павы и стада отъ расхищения.
 Весною следующего [1772] года Киргизцы [бу-
 рупты] довершили несчастіе Даллыков, за-
 гнавъ въ обширную песчаную степь по Север-
 ную сторону оера Балхаша, гдѣ колоды и жам-
 бы погубили у нихъ множество и людей и скота.

По перемесѣхъ неизвѣрнѣхъ ирудностей,
 но претерпѣннхъ безчисленныхъ бедствѣхъ, на-
 чинавъ Даллыки приближаться къ Казанско-
 му пределу, дрѣвней изъ оныхъ; по
 [неясно] представилось оныхъ изъ.
 Погрозивши цѣль Казанския карулы, гро-
 зо превратили нагъ иходъ въ прежнее оме-
 щеніе и Даллыки немалое могли проникнуть
 въ оера какъ съ поперего своей независимо-
 сти. Крайнее извѣщаніе народа привидѣло
 Убаши съ прочими Казанци поддаться Ке-
 римской Державѣ безусловно. Огъ выхажъ изъ
 Россіи съ 33,000 кибитокъ, въ коихъ сѣла-
 лось около 169,000 душъ обоего пола. При всту-
 пленіи въ Или въ помалушаго числа оствѣ-

примечаниям несколько журнальных листков, предварив их собственноручным пояснением:

«Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы Отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды пролили столь яркий (Пушкин вначале написал «толийкий», но потом вычеркнул этот славянизм.— Л. Ш.) свет на отношения наши с Востоком. С благодарностью помещаем здесь им сообщенный отрывок из еще неизданной его книги о калмыках».

Далее в скобках дается указание для наборщика: «(Следует выписка из Журнала Мин. Вн. Дел.)»⁹.

Именно в последующем рассказе о побеге калмыков Пушкин, воспроизведя почти без изменений материал Бичурина, употребляет термин «кэргызцы».

Текст с абсолютной точностью говорит о том, что так названы здесь коренные киргизы, обитатели Тянь-Шаня. Во-первых, к слову «кэргызцы» дается уточнение «буруты». Так калмыки, монголы и китайцы называли только киргизов, и Бичурин, как мы знаем, многократно об этом писал. Во-вторых, рядом с «кэргызцами» названы, как и со всем другим народом, «киргиз-казаки», или «казаки» (казахи), во главе которых стоят ханы Нурали, Аблай и Эрали. Наконец, само написание имени народа — «кэргызец» — максимально близко подлинному самоназванию киргизов — «кыргыз»¹⁰.

Приводим наиболее показательное в этом отношении место из бичуринского рассказа, воспроизведенное Пушкиным:

«Весною следующего (1772) года кэргызцы (буруты) довершили несчастье калмыков, загнав в обшир-

ную песчаную степь по северную сторону озера Балхаша, где голод и жажда погубили у них множество и людей и скота» (IX—1, 97. Попутно исправляем опечатки, вкравшиеся в академическое издание).

Может быть, Пушкин механически перепечатал эти и другие строки из работы Бичурина?

Нет.

Об этом, с одной стороны, говорят собственноручные пометы Пушкина на вложенных в рукопись листах бичуринской статьи. Дважды, карандашом и чернилами, отчеркнуты нужные места, сделана отсылка — «К примеч. 8»; слова «равных Волги» исправлены на «равнин Волги»; примечание об охранных войсках Китая в Чжуньгарии тоже переделано, вместо «не более 30 000» — «не более 35 000», вместо «по трем дорогам от Кошгара до Халхи» — «...до Халми»¹¹. Возможно, часть поправок сделана по указанию Бичурина. Сами по себе они не очень значительны. Но в своей совокупности все эти пометы свидетельствуют о том, что Пушкин не просто цитировал бичуринский текст, а активно вмешивался в него.

С другой стороны, о скрупулезном изучении труда Бичурина говорят и многозначительные слова из пушкинского предуведомления: «*Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы Отцу Иакинфу...*» Значит, Пушкин тщательно сравнивал известие Бичурина с другими источниками. Ясно также, что среди этих других источников имелись, с точки зрения Пушкина, мало достоверные и и недостаточно добросовестные.

Стоит сказать несколько слов об этих источниках. Они хорошо оттеняют своеобразие пушкинской трак-

товки. Кроме того, они помогают понять причины, приковавшие внимание Пушкина к рассказу о бегстве калмыков и столкновении их с казаками и «кэргызцами».

Одну причину верно указал акад. М. П. Алексеев. Поэт ценил научную достоверность материалов Бичурина и стремился их популяризировать. «...Пушкин действительно дорожил выпиской из неизданного еще сочинения, представленной ему автором, как и вообще дорожил теми сведениями, какие он получал от Иакинфа»¹².

Другая причина, пожалуй, еще значительнее.

Первоисточники, освещавшие бегство калмыков, не отличались объективностью. Одни, как уже знакомый нам дневник капитана Николая Рычкова, принадлежали преследователям беглецов. Другие, как сочинение китайского князя Циши, отражали политические интересы императорского правительства Китая. Третьи, подобные книгам П. С. Палласа, Н. Нефедьева, В. Бергмана и других авторов, находились в сильной зависимости от первых двух.

Большинство этих источников не объясняло подлинных причин, вынудивших волжских калмыков предпринять свой опасный, долгий и мучительный поход. Внимание уделялось при этом всевозможным интригам, властолюбию калмыцкого предводителя — хана Убаши и т. п.

Не давалось серьезного объяснения и причинам, которые вызвали столкновение калмыков с киргизами. Китайский феодальный историк, сваливая исключительно на бурутов вину за гибель тысяч беглецов (в которой на самом деле во многом повинны были пра-

вительство Китая и его пограничные отряды), изощряется в тенденциозных, а то и попросту бранных эпитетах по адресу киргизов — «хищные», «кровожадные», «жестокые» и пр.¹³ Ему вторит прибалтийский автор: «Калмыки должны были еще пережить разгром со стороны алчущих грабежа буратов (durch gauvsüchtigen Bugäten), прежде чем, после семимесячных скитаний, достигли столь дорого оплаченной цели»¹⁴.

Пушкин отвергает обе эти клеветнические версии, глубоко противоречившие его отношению к нерусским народам России и его пониманию движущих сил истории.

Рассказывая о калмыках, он меньше всего интересуется поведением тех или иных ханов — материал о них, как сугубо второстепенный, перенесен им в примечания и значительно сокращен. Не в них, по мнению поэта, кроется основная причина трагических событий. Главные виновники кровопролитного бедствия, в изображении Пушкина, — царские чиновники, проводившие в Заволжье традиционную для самодержавия политику жестокого угнетения нерусских народов. Поэтому автор «Истории Пугачева» с большим сочувствием говорит о калмыках: это «мирные» кочевники, «смирный и добрый народ», люди, пришедшие в свое время из Китая «под покровительство белого царя». Их возмущение — прямое следствие произвола царских чиновников: «Русские приставы, пользуясь их простотой и отдаленностью от средоточия правления, начали их угнетать. Жалобы сего смирного и доброго народа не доходили до высшего начальства: выведенные из терпения, они решились оставить Россию...» (IX—1, 10—11).

Сочувственно описывая бедствие угнетенного народа, Пушкин подчеркивает, что калмыки, вынужденные к бегству, двинулись не на чужбину, а «...потянулись по киргизской степи к *пределам прежнего своего отечества*» (IX—1, 11).

Характерно, что в этом месте поэт своеобразно воспользовался одной из формулировок капитана Николая Рычкова, который писал: «Побег Волгских Калмык из подданства Российского, учиненный по большей части возмущением их начальников, причиною был собрания войск... и отправления оных в Киргис-Кайсацкия степи, как в места удобные для пресечения пути мятежников, бегущих *в пределы древнего своего отечества*»¹⁵. Пушкин решительно отбросил наименование беглецов «мятежниками» и объяснение их побега главным образом крамольными кознями их ханов, но зато сохранил слова, объяснявшие и определенным образом оправдывавшие направление бегства калмыков!

Итак, эпизод, связанный с бегством и гибелью волжских калмыков, предстал в «Истории Пугачева» как подлинная историческая трагедия, и притом трагедия *на родная*. Под пером Пушкина она превратилась в обвинительный акт против царских колонизаторов. Симпатии поэта — целиком на стороне угнетенного и гибнущего народа.

Для нас эти страницы интересны и тем, что они рисуют историю, явившуюся своего рода прототипом трагедии, выпавшей на долю киргизского народа спустя полтора столетия — в 1916 году. И тут угнетенный многотысячный народ вынужден был бежать от царских карателей и оказался на грани полного физиче-

ского уничтожения, от которого спасла его только Великая Октябрьская социалистическая революция. При всем различии исторических условий мы, опираясь на проанализированные пушкинские страницы, легко можем себе представить, с каких принципиальных позиций подошел бы автор «Истории Пугачева» и трагедии «Борис Годунов» к оценке и изображению этого события.

Так же последователен и верен своим принципам Пушкин, освещающая роль казахов и киргизов в драматических происшествиях 1771 года. В его труде не осталось и следов от тех тенденциозных эпитетов, которыми различные недобросовестные авторы наделяли представителей этих народов. Правда, верный исторической правде, поэт сохранил в примечании фразу Бичурина, упоминавшую и о материальной заинтересованности тех, кто участвовал в преследовании калмыков (IX—1,96). Но все внимание в воспроизведенном Пушкиным отрывке сосредоточено на другом. Главными виновниками кровавых столкновений здесь выступают власти великих феодальных держав — царское правительство России и пограничное начальство Китая. Они прилагают все усилия для того, чтобы натравить эти народы друг на друга. Царское правительство вступает в переговоры с казахскими ханами, фактически передавая им все полномочия на суд и расправу над беглецами. А китайские власти прямо приказывают тем казахам и «кэргызцам» (киргизам), которые находились в номинальной зависимости от Китая, преследовать беглых калмыков.

Здесь у Пушкина и Бичурина следует очень важная ссылка на уже знакомый нам трехтомный труд

А. И. Левшина о «киргиз-кайсацких» степях. Она помогает понять, почему обоим правительствам удалось в данном случае так легко преуспеть в разжигании национальной розни. Левшин, так же как Пушкин и Бичурин, с глубоким волнением и возмущением, а также с искренним сочувствием к жертвам рассказывает об этих событиях. Но он напоминает и о том, что еще недавно казахи и киргизы находились под жестоким гнетом джунгарско-калмыцких феодалов. Память о насилиях угнетателей была еще свежа. Это облегчило царским и китайским властям осуществление их кровавого замысла: «Наследовав от отца, деда и отдаленнейших предков своих вражду ко всем поколениям Калмыков, всякий спешил идти сражаться с ними...» Казахи и киргизы, получив соответствующие предписания, немедленно выступили против калмыков, «. которых по одному их происхождению и имени, не говоря об обидах ими нанесенных, почитали они врагами своими. Нурали (казахский хан.— Л. Ш.) немедленно отвечал на грамоту, что не только готов исполнить волю Русского Правительства, но уже выступил с подвластными ему силами против бегущих»¹⁶.

В изложении Бичурина, повторенном у Пушкина, единство карательных планов обоих феодальных правительств, подчеркнуто соседством фраз, говорящих о натравливании ими народов друг на друга. Действия «казаков» (казахов) и «кэргызцев» (киргизов) выступают здесь только как следствия жестокой и коварной политики русского царя и китайского императора: «...*Российское правительство, преследуя оружием своим (беглецов-калмыков.— Л. Ш.), предписало и киргиз-казакам на каждом, так сказать, шагу останавливать*

их вооруженною рукою. Китайское пограничное начальство, по первому слуху о походе торговцев на восток, приняло со своей стороны все меры осторожности и также предписало казакам и кэргызам не допускать их проходить пастбищными местами; в случае же их упорства отражать силу силою. Мог ли хотя один кэргызец или казак остаться равнодушным при столь неожиданном для них случае (...)?» (IX—1,96. Подчеркнуто нами.— Л. Ш.).

Итак, эпизод о калмыках и их столкновении с казаками и киргизами — это для Пушкина подлинный пролог к «пугачевщине», типичное проявление бесчеловечной политики угнетения народов, проводившейся царским правительством, как и другими великодержавными властями того времени. Этот эпизод, вставленный поэтом в раму большого исторического полотна, которое было посвящено пугачевскому восстанию, приобретал обобщающее значение: картина социального гнета дополнялась, таким образом, картиной гнета национального. То и другое подсказывало вывод: народное возмущение было делом исторически неизбежным, закономерным и справедливым.

Такова главная причина, вызвавшая исключительное внимание Пушкина к событиям 1771 года и позволившая впервые вывести «кэргызцев-бурутов», т. е. коренных киргизов, на страницы русской классической литературы.

Но размышления поэта о судьбах казахов, киргизов и калмыков продолжались и после окончания «Истории Пугачева».

Черновики Пушкина говорят о том, что его волновала мысль о возможных отношениях этих народов в

будущем, когда погаснет огонь вражды, раздуваемой царскими сатрапами.

Так, в одном из черновиков стихотворения «Памятник» мы находим среди названий других народов, дойти до которых своим поэтическим словом мечтает автор, имя «киргизец».

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык —
И внук Славян, и Фин, и ныне полудикой
Тунгуз, Киргизец и Калмык.

(См. III—2, 1034) 17.

В свете того, что мы узнали об отношении Пушкина к казахам и киргизам, многое проясняется в этом черновике и в творческой истории одного из самых знаменитых пушкинских стихотворений.

Прежде всего, чрезвычайно знаменательно, что поэт намерен был поставить рядом имена «киргизца» и калмыка. Лишь два года тому назад он опубликовал материал о вражде между этими народами не на жизнь, а на смерть, — вражде, разжигаемой царским правительством. Но теперь Пушкин уверенно ставит рядом имена недавних смертельных врагов: он убежден, что в грядущей свободной и просвещенной России они станут братьями.

Далее, замечательно слово «ныне», появившееся перед эпитетом «полудикий» и сохраненное в окончательном варианте перед словом «дикий». Во всех источниках, с которыми был знаком Пушкин, говорилось о том, что тянь-шаньских киргизов соседи официально (хотя и неправильно) именовали «дикими

киргизами». Об этом напоминало, например, само заглавие левшинской статьи, напечатанной в свое время Пушкиным: «Об имени Киргиз-Казакского народа и отличии его от подлинных, или диких Киргизов». Да и Пушкин еще недавно, на страницах «Истории Пугачева», воспроизводя обычную терминологию XVIII века применительно к «киргиз-кайсакам», писал о кочующих ордах «диких племен» (IX—1, 7). Слово «ныне» резко ограничило сферу применения этого эпитета, бытовавшего на правах этнографического термина. Пушкин убежден, что отсталость кочевых народов востока — временное, исторически преходящее явление. Сегодня «полудикий», а завтра — обязательно просвещенный! Такова пророческая пушкинская мысль, заключающая в себе внутренний ожесточенный спор с точкой зрения на восточные народы, распространенной в то время среди колонизаторов.

Наконец, теперь нетрудно с большой мерой достоверности установить, почему Пушкин устранил слово «киргизец» из окончательного варианта стихотворения. Дело не только в соображениях чисто художественных, подсказавших замену простого перечисления народов их яркими лапидарными характеристиками: «гордый внук славян» — вместо «внук славян» и «друг степей калмык» — вместо «калмык». И не в том лишь дело, что киргизы и казахи формально тогда еще не входили в состав России, а Пушкин писал в данном случае только о «Руси великой» и «сущих в ней языках» (народах). Нет, Пушкин при случае великолепно использовал прием поэтического перечисления, заполняя одними существительными, без эпитетов, до десятка стихов подряд — например, в сцене въезда

Татьяны в Москву или в картине петербургского наводнения. А назвать «киргизцев» среди народов будущей России он тоже мог без колебаний, так как судьба казахского, а отчасти и киргизского народа, была к этому времени (1836 год) уже в течение многих десятилетий тесно связана с судьбами русских людей.

Вероятнее всего, Пушкин просто не счел возможным использовать без оговорок термин, условность которого сам не так давно, за два года до написания «Памятника», печатно оговорил. Поэт знал, что понять это слово можно двояко — либо как обычное наименование казахов, либо как самоназвание собственно киргизов. Стремясь к максимальной точности поэтического словоупотребления, Пушкин и пришел к окончательному классическому варианту «Памятника».

Таким образом, стихотворение, в котором поэт подводил итоги своей художественной и гражданской деятельности, позволяет нам сделать и некоторые выводы об отношении Пушкина к киргизской теме.

Великий русский поэт, выступивший в эпоху, когда наше востоковедение делало свои первые шаги, внес важный вклад в научное и подлинно гуманистическое освещение жизни и истории киргизского народа.

Именно он организовал публикацию первой отечественной научной работы, специально посвященной отличию казахов от киргизов, а тем самым подготовил и выход в свет фундаментального труда А. И. Левшина, положившего начало русскому классическому киргизоведению.

Именно он, первый из корифеев великой русской литературы, продолжая исследования П. И. Рычкова, В. Н. Татищева и других авторов XVIII века, указал

на условность наименования казахов «киргизами» («киргиз-кайсаками»). Изучение творческой лаборатории поэта-историка позволяет обнаружить документы о подлинных киргизах, сохраняющие и сегодня свое научное значение.

Именно Пушкин в своей «Истории Пугачева» с максимально возможной тогда объективностью и глубиной осветил истинные пружины одного из сложных эпизодов истории киргизского народа, представителей которого, следуя за Н. Я. Бичуриным, наименовал термином «кэргызцы», близким к наиболее точному, народному самоназванию — «кыргыз». На материале этого эпизода он продемонстрировал самое передовое для своего времени понимание народной трагедии и с гневным презрением заклеил ее главного виновника — царское самодержавие.

Наконец, работая над «Памятником», он поэтически наметил перспективы дружественных отношений между угнетенными в «жестокий век» царизма народами востока, в том числе казахами, киргизами и калмыками, — прозревая их братский союз с русским и другими народами нашей родины в освобожденной от ига самовластья России.

Все это позволяет по праву поставить имя Пушкина у истоков русско-киргизских литературных и культурных связей.

5. Пушкин в Киргизии

раздумье о грядущих судьбах своего отечества Пушкин, как мы видели, мечтал прийти к народам, жившим у далеких восточных окраин России, в том числе — и к «киргизцам». Эта мечта смогла осуществиться лишь спустя много десятилетий — после добровольного вхождения Киргизии и Казахстана в состав России и, в особенности, после Великой Октябрьской социалистической революции. Киргизский народ в массе своей по-настоящему узнал пушкинскую поэзию лишь через сто лет после того, как был написан «Памятник».

Какими же путями шло освоение наследия Пушкина в Киргизии?

Многое об этом уже известно. Есть исследования о переводах пушкинских произведений на киргизский язык. Есть статьи о влиянии Пушкина на развитие киргизской национальной литературы. Есть свои «пуш-

кинские странички» в книгах о наиболее выдающихся писателях Киргизии наших дней.

Но и сегодня остается еще немало белых пятен в истории проникновения пушкинского слова к массовому киргизскому читателю, в истории творческого усвоения пушкинских традиций киргизской советской литературой.

Чтобы их заполнить, нужны новые обстоятельные разыскания.

Здесь же мы ограничим свою задачу. Попытаемся, с одной стороны, дать краткий обзор того, что уже выявлено о Пушкине в Киргизии. А с другой — выделить вопросы, требующие дальнейшего изучения, и наметить путь, который позволил бы, с нашей точки зрения, наиболее успешно разрешить их.

Один из таких вопросов: **было ли известно киргизам имя и творчество Пушкина до Великой Октябрьской социалистической революции?**

В научной литературе возможность знакомства представителей киргизского народа до Октября с Пушкиным еще недавно расценивалась только как более или менее вероятное предположение.

«...Есть предположение,— писал один из исследователей,— что имя Пушкина уже до революции было известно передовым интеллигентам Киргизии...»¹

«У нас нет достаточных данных о том, насколько знакомы были киргизские акыны или отдельные грамотные (лица.— Л. Ш.) из киргизов... с... переводами произведений русской литературы...»,— писал другой автор².

Действительно, некоторые источники проникновения пушкинского творчества в дореволюционную

Киргизию разведаны пока еще очень робко, и порою о них приходится говорить только предположительно.

Среди этих источников — живое общение между киргизским и русским населением в быту, в хозяйственной и культурной жизни.

Пушкина принесли с собою первые же русские люди, пришедшие в Киргизию. Он был частью их внутреннего мира. Сами впечатления от окружающей жизни, от киргизской действительности оформлялись у них иной раз в образах, ассоциативно связанных с пушкинскими строками.

Вот, например, П. П. Семенов-Тянь-Шанский в 1857 году озирает поле «решительной и последней» междоусобной битвы, затеянной манапами двух киргизских родов — богинцев и сарыбагишей. День склоняется к вечеру. «...Обогнув знакомую нам вершину, с ее подножья вышли (мы) на «мертвое поле», засыпанное замерзшими трупами... Только тут я глубоко прочувствовал поэтическое обращение великого поэта Пушкина к подобной поляне со словами: «О, поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» Прощаясь с Тянь-Шанем, он вспоминает другое пушкинское выражение: «Моей души предел желанный!»³ Все это не позднейшие украшения стиля, а материалы путевых записок. Русский образованный человек XIX—XX века всегда воспринимал мир вместе с Пушкиным, порою через него, и это восприятие сплошь и рядом проявлялось вовне.

Праздновались передовыми людьми из русского населения Киргизии и пушкинские юбилеи. Историками народного образования особо отмечен, например, тот факт, что Михаилу Васильевичу Фрунзе, в бытность его гимназистом, постановлением собрания уполномоченных города Пишпека 20 марта 1899 года было решено выплачивать пособие «...в ознаменование дня столетия рождения великого русского поэта А. С. Пушкина»⁴.

Предстоит еще выяснить, в какой мере участвовали в таких мероприятиях представители киргизского населения, а также выявить конкретные факты рассказов русских людей о Пушкине своим киргизским друзьям.

Правда, в литературе уже высказывались суждения о том, что, например, акын-демократ Токтогул Сатылганов, будучи в сибирской ссылке, узнал о Пушкине от своих русских товари-

щей — ссыльных революционеров⁵. Отмечалось и некоторое сходство мотивов между песнями Токтогула того периода и отдельными пушкинскими стихотворениями — например, между восклицаниями акына «Невинные, честные люди добьются полной свободы!» и заключительной строфой послания «В Сибирь». Думается, что эти соображения пока недостаточно документированы; Токтогул не знал русского языка, а образные переключки в произведениях поэтов можно объяснить общностью тем, продиктованных самой жизнью⁶.

Не исключено, однако, что дальнейшие поиски позволят обнаружить более достоверные материалы, подтверждающие передачу сведений о Пушкине от русских людей того времени киргизам в результате живого общения — из уст в уста.

Другой канал, по которому струя пушкинской поэзии поступала в Киргизию конца XIX — начала XX века, — это казахские и татарские переводы.

Своей письменности и письменной литературы киргизский народ тогда еще не имел. Грамотные люди из среды киргизов с увлечением читали произведения (в том числе переводные), принадлежавшие перу просветителей родственных по языку народов — Абая Кунанбаева и Ибрагима Алтынсарина, Габдуллы Тукая и Каюма Насыри. Среди этих произведений были стихи и проза Пушкина.

«В первые годы нашего века, — рассказывал один из старейших учителей Киргизии Ибрай Абдурахманов, — я учился... в городе Пржевальске. Я и мои товарищи, не имея изданий на родном языке, жадно читали татарские издания, в которых печатались переводы произведений классиков русской литературы и в том числе великого Пушкина. Тогда мы впервые познакомились с такими шедеврами Пушкина, как «Капитанская дочка», «Дубровский», с его социальной лирикой... Особенно жадно мы читали жизнеописание поэта. Нас глубоко захватывало описание гонений на поэта, его изгнаний, его протест против самодержавия и, наконец, его трагическая гибель»⁷.

Впоследствии, став учителем, Ибрай Абдурахманов сам рассказывал своим ученикам о жизни и творчестве поэта.

Тем же путем, по мнению ряда авторов, познакомился с поэзией Пушкина и других русских классиков выдающийся акын-писменник киргизского народа просветитель-демократ Тоголок Молдо (Байымбет Абдрахманов). Это, возможно, произошло

во время его пребывания в Токмаке — крупном городе Семиречья, где продавались книги на татарском, казахском, узбекском и других восточных языках. «Через переводы Абая он знакомится с поэзией Пушкина, Лермонтова, с творчеством Крылова»⁸.

Наконец, по свидетельству известного киргизского писателя Касымалы Баялинова, в районах, расположенных рядом с Казахстаном, киргизское население узнало в устном исполнении песни на слова классика казахской литературы Абая Кунанбаева: «Письмо Татьяны к Онегину» и «Ответ Онегина Татьяне», — поэтические переложения из романа Пушкина «Евгений Онегин»⁹.

Необходимо также дополнительно исследовать учебники и пособия на тюркских языках, по которым обучались дети киргизы в так называемых новометодных (джадидистских) школах. Тогда можно будет составить более полное представление о переводах пушкинских произведений, которыми располагала до-революционная Киргизия.

Вплоть до последних лет не принимался в расчет третий источник проникновения пушкинской поэзии в киргизскую среду дооктябрьской эпохи — русские школы.

На территории Киргизии они появляются с восьмидесятых годов прошлого века. Вопреки замыслам царских колонизаторов, эти школы объективно сыграли положительную роль в ознакомлении киргизской молодежи с прогрессивной русской культурой. Большой вклад в это благородное дело внесли русские народные учителя.

«Многие выпускники русско-туземных школ..., благодаря знанию русского языка, еще до Октябрьской революции читали в подлиннике бессмертные произведения великих русских писателей — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого», — пишет в своей монографии по истории киргизской школы проф. А. Э. Измайлов¹⁰.

Мы обратились к ветерану народного образования Киргизии Курманалы Джузенову, выпускнику Каракольской (Пржевальской) русско-туземной школы, с просьбой рассказать о том, когда и по каким источникам он познакомился с биографией и творчеством Пушкина.

К. Д. Джузенов сообщил нам следующее:

«Впервые я услышал имя Пушкина, будучи учеником русско-туземной школы, в 1911—1912 годах. Говорили, что Пушкин был очень талантливый поэт. В своих стихах он издевался над царизмом, помещиками, чиновниками. Сочинял свои произведения невзирая на лица — короче говоря, писал всю правду о своем времени. Это, конечно, не нравилось царской власти. Пушкина обманым путем вызвали на дуэль — и убили...

Все это очень заинтересовало меня и других учеников. Часто мы расспрашивали знающих людей о произведениях Пушкина. Они приводили нам его стихи, его остроумные эпиграммы.

В то время был у нас учебник на татарском языке — «Рухбар сабиян» (книга для чтения, автором которой являлся татарский просветитель Галимажан Ибрагимов.— Л. Ш.). Здесь были отрывки из произведений Пушкина. Я тоже читал их...

Кроме того, немного позже, в 1913 году, я изучал в школе и выучил наизусть отрывки из произведений Пушкина «Руслан и Людмила» («У лукоморья дуб зеленый...») и «Борис Годунов»¹¹.

Знакомство с учебниками, по которым работали русско-туземные школы Киргизии, полностью подтверждает это свидетельство К. Д. Джузенова.

Пушкинские стихи были представлены в первых книгах для чтения, специально предназначенных для русско-туземных школ Туркестана. Их составителем был С. М. Граменицкий, инспектор училищ этого края. В числе других произведений Пушкина сюда входили «Сказка о рыбаке и рыбке», вступление к «Медному всаднику» и стихотворения о временах года¹².

Широко использовались в русско-туземных школах и учебные книги, составленные замечательным русским педагогом К. Д. Ушинским: «Родное слово», «Детский мир» и «Хрестоматия»¹³. Здесь было много доступных и в то же время художественных текстов, которые расширяли кругозор детей, прививали вкус к живому русскому слову и облегчали усвоение русского языка¹⁴. В «Родное слово» входило пятнадцать пушкинских стихотворений и отрывков, среди которых были классические хрестоматийные пейзажные стихи, «Эхо», «Золото и булат», отрывок из «Сказки о царе Салтане», «Сказка о рыбаке и рыбке» и тот самый пролог к «Руслану и Людмиле», который заучивали наизусть К. Д. Джузенев и его товарищи по Каракольской русско-туземной школе, — составитель дал этому отрывку заголовок «Ученый кот»¹⁵. Отрывки из другого пушкинского произведения, названного в воспоминаниях К. Д. Джузенова, — из «Бориса Годунова» — содержатся во второй части «Детского мира» и «Хрестоматии» Ушинского. Сюда вошли целых три сцены: «Летописец» (монолог Пимена «Еще одно последнее сказанье...» и следующий за ним монолог Григория), «Первое известие о самозванце» (диалог Годунова с царевичем Феодором у географической карты и рассказ Шуйского о появлении Лжедмитрия),

«Чудо святого Димитрия» (рассказ патриарха Иова)¹⁶. Помимо небольших стихотворений, здесь были напечатаны и такие значительные произведения Пушкина, как «Песнь о вещем Олеге», «Сказка о попе и работнике его Балде» (в редакции В. А. Жуковского — под заглавием «Сказка о купце Остолопе и работнике его Балде»), описание битвы из поэмы «Полтава», «Кавказ», все вступление к «Медному всаднику».

Таким образом, уже до революции пушкинское слово начало проникать в среду киргизского народа — через рассказы прогрессивно настроенных русских людей, через казахские и татарские переводы, через русско-туземные школы.

Правы, следовательно, те литературоведы, которые выдвинули предположение: «Пожалуй, он (Пушкин.— Л. Ш.) был первым русским писателем, чье крылатое слово дошло до Ала-Тоо»¹⁷.

Но имя Пушкина было известно в те годы ничтожному меньшинству киргизских трудящихся. Достаточно сказать, что к 1917 году на территории Киргизии насчитывалось всего 16 русско-туземных училищ, из них лишь половина — русско-киргизских. Число грамотных людей из киргизов составляло 0,6% от общего количества ее населения (по другим данным — не более 2—4%).

Подлинная встреча киргизского народа с Пушкиным могла состояться только после Великого Октября.

Что помогло за исторически кратчайший срок — всего два десятилетия — сделать творчество Пушкина достоянием широких масс трудящихся Киргизии, еще недавно одной из самых отсталых окраин царской России?

В общей форме ответ на поставленный вопрос очевиден. Освоение пушкинского наследия — один из примеров бурного культурного расцвета советского Киргизстана. А расцвет этот обусловили победа социалистической революции, руководящая и вдохновляющая деятельность ленинской Коммунистической партии, государственная забота о культурном развитии киргизского народа, братская помощь других народов СССР, прежде всего — великого русского народа.

Для нас важно, наряду с этим, установить, какими конкретными путями шло освоение пушкинского наследия в Киргизии после Октября.

Большая заслуга в стремительном культурном возрождении Киргизии, в освоении русской литературы и ее жемчужины — пушкинского творчества — принадлежит новой советской школе.

Киргизская национальная школа прошла сложный путь борьбы и исканий. Развитие ее на первых порах тормозилось сопротивлением остатков свергнутых классов, происками буржуазных националистов и пережитками вековой культурно-экономической отсталости. Все это не могло не сказаться и на освоении русской литературы, а в ее составе — и поэзии Пушкина.

Но уже в это время, с начала 20-х годов, огромную помощь киргизским педагогам оказывают русские коммунисты, русские учителя, русская школа. Выдвигается лозунг: «Смычка европейской (т. е. русской) школы с кара-киргизской (т. е. киргизской)». Русские школы устраивают совместные культурные празднества и приглашают на них своих «подшефов» — учащихся киргизских школ^{17-а}. (А в числе культурных торжеств тех лет было и девяностолетие со дня смерти

А. С. Пушкина.) Комплекуются передвижные библиотеки, которые решено было сделать «вдохновителями всей культурной работы в кишлаках»¹⁸.

В 20-е годы преподавание русского языка и русской литературы в киргизских школах не носило регулярного характера. Правда, повседневная жизнь школ Киргизии того времени еще не исследована должным образом с этой стороны. Но мы располагаем свидетельствами о том, что уже тогда, по почину педагогов-энтузиастов, в нерусских школах республики начинается ознакомление учащихся с русской художественной литературой, в том числе с произведениями Пушкина.

Таковы, например, воспоминания заслуженного учителя Киргизской ССР И. И. Лактионова, который с 1924 года работал в национальной школе № 7 г. Пишпека. «Самыми интересными для ребят,— рассказывает Иван Иванович,— были уроки чтения. Работали мы всем классом с одной-двумя книгами, которые я разыскивал в библиотеках или у знакомых и приносил на урок. Иногда попадались только книги, напечатанные по-старинному, с ятями и твердыми знаками. Тогда читал весь текст я сам. Так мы знакомимся с баснями Крылова, сказками Пушкина, стихами Демьяна Бедного». Интерес к русской литературе все возрастал. Но учитель удовлетворял его с трудом: не хватало книг. Решили написать Н. К. Крупской. Через некоторое время из Москвы прибыла посылка с теплым письмом от Надежды Константиновны. В числе присланных книг были и томики Пушкина¹⁹.

Познакомил с творчеством Пушкина своих учеников киргизов и К. Д. Джуженов, чьи воспоминания о

русско-туземной школе приводились выше. Он преподавал в киргизской школе села Талды Су (Тюпский район) с 1921 по 1925 год. Учащиеся, по его словам, очень интересовались пушкинскими произведениями.

Углубленно знакомилась с творчеством автора «Евгения Онегина» студенты киргизских педагогических училищ (техникумов), созданных в середине 20-х годов. Здесь училась молодежь, которой предстояло принять самое активное участие в строительстве киргизской советской культуры, в формировании национального искусства социалистического реализма, в подготовке первой декады киргизской литературы и искусства в Москве. Именно тут — корни, начавшие питать молодое дерево киргизской культуры соками пушкинской поэзии.

— На школьной скамье, в стенах Джалал-Абадского педучилища (в 1926—1928 гг.— Л. Ш.) я познакомился с «Полтавой» Пушкина — и мне открылся огромный мир поэзии, — рассказывал видный киргизский поэт Темиркул Уметалиев²⁰.

— Ближе я познакомился с произведениями Пушкина в 1927 году, после перевода в Центральный Киргизский педагогический техникум, — свидетельствует народный артист СССР композитор Абдылас Малдыбаев²¹.

— Имя Пушкина я услышал впервые пятнадцатилетним подростком (в 1926 году.— Л. Ш.), когда приехал из айла во Фрунзе и поступил в Центральный Киргизский педагогический техникум, — сообщает заслуженный деятель искусств Киргизской ССР поэт и драматург Кубанычбек Маликов²².

— Еще будучи студентом педтехникума (в 1929 году.— Л. Ш.), я выучил наизусть стихи Пушкина — «Зимняя дорога» и другие, — писал один из самых талантливых поэтов советской Киргизии, переводчик «Евгения Онегина» Алыкул Осмонов²³.

Судя по этим и другим рассказам, в киргизских педагогических училищах Пушкина читали много и

увлеченно. «Помнится, особенно интересно было читать послания «К Чаадаеву» и «В Сибирь» с учителем русской литературы Георгием Ивановичем Хорольцом (ныне он доцент Киргизского государственного университета). Он развил у нас любовь к русскому стиху, к русским поэтам,— вспоминал, беседуя с нами в январе 1962 года, Кубанычбек Маликов.— Пушкинские стихи, заученные наизусть тогда, на ученической скамье, запомнились мне на всю жизнь»²⁴. И, в подтверждение последних слов, К. И. Маликов с веселым воодушевлением — вот ведь как хорошо запомнил! — стал выразительно читать отрывки из «Полтавы» («Горит восток зарею новой...»), из послания «К Чаадаеву» («Товарищ! Верь: взойдет она...») и других произведений Пушкина.

Уже в двадцатые годы стихи Пушкина, прочитанные в оригинале киргизскими учащимися новой, советской школы, становятся импульсом к самостоятельному поэтическому творчеству. Так было, например, с Тугельбаем Сыдыкбековым, впоследствии академиком и лауреатом Государственной премии, автором романа «Люди наших дней». Как и многие другие дети киргизы города Пржевальска, он, по собственному желанию и по желанию своих родителей, учился в школе второй ступени имени Н. К. Крупской, где преподавание велось на русском языке. Очень любил книги — читал все, что было в школьной и городской библиотеке. С произведениями Пушкина познакомился шестнадцати лет, в 1928 году.

«Помню, принес я как-то домой старое, вышедшее еще до революции издание Пушкина. Это был большой однотомник, в хорошем кожаном переплете, со множеством иллюстраций. Хотя

русским языком я тогда владел еще недостаточно свободно и не все понимал в пушкинских стихах, я с увлечением рассматривал рисунки и пытался самостоятельно прочитать некоторые из произведений Пушкина, например сказки.

Увидя меня за чтением русской книги, мой племянник шуточно спросил:

— Что это ты читаешь? Разве ты тут что-нибудь можешь понять?

Я разгорячился и возразил:

— Я не только пойму, но и сам напишу такую книгу, как Пушкин!

И вот, вдохновившись пушкинской книгой, я тогда же взялся за написание своего первого произведения «Капкакбай»...

Таким образом, с Пушкиным связан мой первый шаг на литературном поприще»²⁵.

Как устанавливают историки литературы, в первом произведении Тугельбая Сыдыкбекова очень ощутимо влияние пушкинских сказок — особенно в образе хитрого, скупого и жадного богача Капкакбая.

Более широкий размах знакомство с творчеством Пушкина в киргизских школах приобретает со второй половины 30-х и в 40-е годы. Русский язык с течением времени занимает прочное место в учебных планах этих школ. Произведения Пушкина включаются в программы и учебники массовой киргизской школы. А она охватывает теперь десятки тысяч учащихся-киргизов — все детское и юношеское население республики, подлежащее всеобщему обязательному обучению.

В первых же учебниках русского языка для киргизских школ многие грамматические явления объясняются на материале пушкинских отрывков. Так, в стабильном учебнике для четвертого класса киргизской школы — тогда (в 1938 году) это был второй год обучения русскому языку — печатаются отрывки «Зима» («Зима! Крестьянин, торжествуя...»), «Ты волна моя, волна...» (из «Сказки о царе Салтане»), «Свет наш солнышко ..» (из «Сказ-

ки о мертвой царевне и о семи богатырях»), «Ветер, ветер, ты могуч...» (оттуда же) и др.²⁶ А в книге для чтения на русском языке для шестого класса (1946), помимо биографических сведений о Пушкине, появляются послание «В Сибирь» (и ответ декабристов), «К няне», три главы из «Капитанской дочки», «Туча», «Весна» («Гонимы вешними лучами...»), «Зимний вечер», «Сказка о царе Салтане»²⁷. Впоследствии более трудные произведения были перенесены в старшие классы, куда были также включены «Дубровский», отрывки из «Евгения Онегина», «Памятник», «Арион» и многие другие произведения Пушкина²⁸.

Исключительно важную роль в ознакомлении детей киргизов с пушкинской поэзией сыграли и учебники по литературному чтению на родном языке. Сюда также вошли стихи и проза Пушкина. Это оказалось возможным осуществить со второй половины тридцатых годов, когда были выполнены переводы наиболее значительных произведений А. С. Пушкина на киргизский язык.

Воссоздать Пушкина на киргизском языке — это значило осуществить грандиозный скачок в культурно-эстетическом развитии народа, еще вчера не имевшего своей письменности и знавшего по существу только фольклорную стадию словесно-художественного творчества.

За несколько лет надо было преодолеть расстояние, исторически равное векам.

Но только дав своему народу Пушкина на родном языке, можно было донести его слово до самых далеких аилов. Лишь при этом условии его творчество могло бы стать в Киргизии подлинно всенародным достоянием.

И молодые киргизские литераторы отважно взялись за решение этой труднейшей задачи.

Первые попытки перевести Пушкина на киргизский язык делались еще в 20-е годы. В личной творческой биографии писателей каждая такая попытка становилась незабываемым событием. Но опубликованы эти переводы тогда не были: видимо, авторы и молодая литература в целом не были еще в достаточной мере готовы к воссозданию пушкинских стихов.

Так, Алыкул Осмонов, будучи студентом Центрального Киргизского педагогического техникума, перевел стихотворение «Зимний вечер». Было это зимой 1929 года²⁹. Очевидно, и само время года благоприятствовало возникновению у юного переводчика — Алыкулу было тогда четырнадцать лет — необходимого поэтического настроения. Сама работа над пушкинским стихом глубоко потрясла его. «Трудно забыть», — говорил он впоследствии об этих днях³⁰. Очень важно и то, что А. Осмонов начал этим переводом свое поэтическое творчество: только год спустя опубликовал он свое оригинальное стихотворение «Красный обоз». Перевод пушкинских стихов явился для него, как и для других молодых киргизских писателей, не только пробой художнических сил, но и практическим уроком современной профессиональной литературы. Однако текст перевода не печатался вплоть до середины тридцатых годов, когда поэт вновь вернулся к нему.

И объясняется это не только тем, что молодому писателю понадобилось несколько лет, чтобы полностью вжиться в мир пушкинской поэзии³¹.

С 1934 года, с опубликования в молодежной газете «Ленинчил жаш» («Ленинская молодежь») переводов стихотворения «Я вас любил...» и отрывков из «Дубровского», вообще начинается невиданный подъ-

*Читаем Пушкина!
Ученики средней школы № 5 г. Фрунзе
загадывают пушкинских стихов.*

ем в переводческой деятельности киргизских писателей. Переводится при этом опять-таки главным образом Пушкин. За каких-нибудь два-три года на киргизском языке появляются все пушкинские сказки, десятки лирических стихотворений, «Цыганы», «Дубровский», отрывки из «Капитанской дочки» и другие произведения. Некоторые поэты, в первую очередь тот же Алыкул Осмонов, в течение нескольких лет занимались почти одними только переводами, притом — пушкинскими в основном³².

Поводом для такого увлечения переводами произведений Пушкина явилась подготовка к юбилею 1937 года.

Но главной причиной были глубинные потребности национального и всесоюзного культурного развития.

1934 год, которым ознаменовано начало популяризации пушкинского творчества в Киргизии, — это год Первого Всесоюзного съезда писателей. То был великий смотр сил многонациональной советской литературы. Со всей остротой встала историческая задача перед молодыми литературами, подобными киргизской: овладеть методом социалистического реализма. А для этого надо было обязательно подтянуться до уровня современной профессиональной реалистической литературы. Образцом здесь выступала в первую очередь литература русская.

Киргизская советская литература рождалась прежде всего через поэзию: прозаических и драматургических традиций в прошлом она не имела. Естественно, что для переводов был избран наиболее совершенный художественный образец поэзии — стихи Пушкина.

Он же давал пример великолепного реалистического творчества во всех других жанрах.

«Киргизская советская литература,— писала в редакционной статье республиканская газета «Советская Киргизия»,— переживает такой период, когда ощущается острая необходимость создания произведений всех видов, всех жанров. Недаром многие (киргизские.— Л. Ш.) писатели являются одновременно и прозаиками, и драматургами, и поэтами... Вот поэтому особенно дорого для киргизской литературы классическое наследие Пушкина»³³.

Пушкинские торжества, так удачно пришедшиеся на эти годы, отнюдь не были обычным литературным юбилеем. Происходило одно из грандиозных явлений культурной революции 30-х годов — подлинно всенародное приобщение к самым высоким вершинам большого искусства. И воодушевление было тоже подлинно всенародным: светлый пушкинский реализм как нельзя лучше отвечал мироощущению советских людей того времени, окрыленных только что одержанными победами социалистического строительства. Тревожные события, связанные с отрицательными последствиями все усиливавшегося культа личности, не могли пока существенно изменить общего, глубоко оптимистического восприятия новой действительности.

В условиях Киргизии небывалая тяга народа к пушкинской поэзии объяснялась еще одним обстоятельством. Здесь, как и в других республиках, восторжествовала и принесла свои плоды ленинская национальная политика дружбы народов. Особые чувства любви и уважения вызывал, естественно, русский народ. А самым знаменитым его поэтом был, по слову

Горького, гигант Пушкин — величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России. Память его торжественно почтила вся страна, молва о его трагической гибели и пока еще немногие летучие пушкинские строки разнеслись по киргизским айлам. Понятно, что народ в те дни буквально жаждал узнать Пушкина по-настоящему — прочитать его на родном языке.

«Книги Пушкина берутся нарасхват» — называлась одна из корреспонденций, опубликованных в республиканской печати. «Читают Пушкина» — гласил другой заголовок. «Пушкин — в школах» — так была озаглавлена третья.

Но одновременно газеты тех дней полны сетований на то, что переводов произведений Пушкина на киргизский язык почти нет.

Ежедневно приходили запросы на них из самых далеких аялов; книжные магазины не справлялись с заявками. А в библиотеках, сообщала «Советская Киргизия», произведений А. С. Пушкина на киргизском языке — к величайшему огорчению читателей киргизов — было очень мало³⁴. Учительница киргизской школы рассказала корреспонденту, с каким жадным интересом читаются детьми пушкинские произведения, но тут же «выразила свое возмущение» тем, что они плохо продвигаются в массы; Киргосиздат должен ускорить выпуск переводов «Дубровского» и «Капитанской дочки»³⁵. «К сожалению,— говорилось в другой корреспонденции,— на киргизском языке Пушкин издан очень мало. Поэтому... ученики, хорошо владеющие русским языком, сами переводят Пушкина»³⁶.

Об исключительном интересе к Пушкину говорили

и выступления в печати самих читателей. Один из них, кызыл-кийский шахтер-стахановец Каим Данаков писал, что хотя он слабо владеет русским языком и с большим трудом прочитал в оригинале «Медного всадника» и некоторые стихотворения,— все у Пушкина так ему понравилось, так «все замечательно», что он, Данаков, решил: «...изучение его творчества займет годы и годы, и я их отдам этому, изучу каждую строчку...»³⁷. Другой рабочий, стахановец Фрунзенского хлебозавода Шаршеналы Изаков рассказывал: «Я недавно ликвидировал (свою.— Л. Ш.) неграмотность и теперь имею возможность читать прекрасные произведения Пушкина на киргизском языке»³⁸. Киргизские учителя говорили, что Пушкин дал им толчок «для дальнейшего ознакомления с лучшими образцами русской литературы»³⁹.

Итак, в 30-е годы переводы пушкинских произведений на киргизский язык явились насущной исторической необходимостью. Народ требовал Пушкина! И киргизские писатели должны были выполнить это требование времени.

Не случайно среди переводчиков Пушкина в эти и последующие годы мы видим всех самых видных деятелей киргизской литературы. Народный поэт Киргизии Аалы Токомбаев перевел «Памятник» и целый ряд философско-лирических произведений. Талантливейший Алыкул Осмонов — «Сказку о попе и о работнике его Балде», лирические стихотворения, «Евгения Онегина» и, кроме того, вересаевскую биографию Пушкина. Касымалы Баялинов, автор первой киргизской повести «Аджар», тоже перевел «Евгения Онегина», а также «Руслана и Людмилу» и «Кавказского пленника». За-

мечательный поэт и прозаик Мукай Элебаев дал глубоко эмоциональный перевод «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях». Будущий академик Тугельбай Сыдыкбеков перевел «Сказку о царе Салтане». Поэт и драматург Кубанычбек Маликов — «Цыган». Поэт Темиркул Уметалиев перевел «Анчар» и «Песнь о вещем Олеге», найдя, кстати говоря (по утверждению исследователей), удачные стилевые эквиваленты в киргизском языке для передачи пушкинских славянизмов. Крупнейший киргизский драматург Джусуп Турусбеков воссоздал на родном языке «Каменного гостя». Пушкиным занимались и профессиональные переводчики Киргизии: «Капитанскую дочку» перевел С. Бектурсунов, давший впоследствии полный перевод «Войны и мира»; а «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о золотом петушке», «Бориса Годунова» и целый ряд лирических стихотворений — автор особенно поэтичных переводов Узакбай Абдукаимов.

Можно сказать, что вся молодая национальная литература Киргизии объединила усилия, чтобы дать народу своего рода «коллективного Пушкина» на киргизском языке.

В какой мере удалось достигнуть этой цели?

Переводы пушкинских произведений на киргизский язык тщательно проанализированы в специальных статьях, в книгах и диссертациях.

Основные выводы этого анализа сводятся к следующему.

Уровень имеющихся переводов различен. Наряду с образцовыми работами, подобными переводу «Памятника» Аалы Токомбаевым, есть и неудачные — «Медный всадник» в переводе А. Токтомушева, «Ка-

питанская дочка» в переводе М. Кырбашева. «Сказка о царе Салтане» в переводе Х. Эсенходжаева и другие. Здесь встречаются искажения, произвольные сокращения и вставки, нарушения стилистических особенностей подлинника.

Многим переводам тридцатых годов свойственны некоторые общие черты.

Во-первых, в большинстве своем это вольные переложения, а не переводы в строгом и точном значении слова. В то время такой путь казался неизбежным. «Почти всеми переводчиками,— информировала читателей «Советская Киргизия»,— за основу своей работы был взят вольный перевод, т. е. у многих сохранено содержание произведений, пушкинские фразы, умело передана сущность самих произведений, но в то же время, из-за фонетических и синтаксических особенностей киргизского языка, несколько обойдены метрические стороны пушкинских стихов»⁴⁰. Время, однако, показало, что «фонетические и синтаксические особенности» языка не были непреодолимым препятствием. Ряд поэтов к 1949 году коренным образом переработал эти переводы, значительно приблизив их к пушкинскому подлиннику.

Во-вторых, на переводах 30-х годов лежит сильный отпечаток фольклорных норм художественного мышления, с которыми была чрезвычайно тесно связана молодая киргизская поэзия тех лет. Не случайно раньше всего были переведены все пушкинские сказки (Кстати, и в пятидесятые годы, по нашим личным наблюдениям, старшеклассники киргизских школ для самостоятельного чтения на русском языке выбирали, предпочтительно, сказки Пушкина). Даже лучший пе-

ревод «Евгения Онегина» на киргизский язык, любовно выполненный Алыкулом Осмоновым позже, в 1948 году, сделан, как отмечала критика, «тяжеловесным, одическим, декламационным одиннадцатисложником»⁴¹.

Тем не менее трудно переоценить значение переводов произведений Пушкина киргизскими советскими поэтами. С одной стороны, эти переводы способствовали широчайшей популяризации пушкинского творчества среди читателей киргизов. С другой стороны, они произвели подлинную революцию в киргизской поэзии и, в частности, в национальном стихосложении. «Наши поэты,— справедливо пишет исследователь этих переводов К. Рысалиев,— опираясь на творческое наследие А. С. Пушкина..., открыли в киргизском языке новые средства поэтического выражения»⁴². На смену единомерной семивосьмисложной силлабической размерности пришли новые, бесконечно гибкие стиховые ритмы, в том числе ранее совершенно неизвестный киргизской поэзии белый стих; появилась кольцевая и перекрестная рифма; были освоены новые строфические формы.

В целом переводы произведений Пушкина на киргизский язык явились событием большого общественно-культурного масштаба. Они были «одним из крупнейших достижений»⁴³ молодой социалистической культуры Киргизстана. Они составили важный исторический этап в становлении киргизской советской литературы⁴⁴.

Таким образом, говоря о переводах, мы тем самым уже касаемся вопроса о могучем влиянии Пушкина на творчество киргизских советских писателей.

«Живыми учебниками словесности» назвал поэзию и прозу Пушкина поэт Кубаньчбек Маликов⁴⁵. «Мой учитель» — так озаглавил свою статью об авторе «Евгения Онегина» Алыкул Осмонов. «Мой учитель, мой друг и наставник мой — ты», — вторит ему в стихотворении «Пушкину» Темиркул Уметалиев⁴⁶.

В чем же проявилось благотворное воздействие Пушкина на киргизскую литературу?

Прежде всего — в том, что он помог киргизским писателям, пожалуй больше чем любой другой художник слова, овладеть методами реалистической типизации. «...Пушкин для нас, киргизов, был и остается первым из русских поэтов. Первым не по календарю, а по своему значению — учителем реализма, учителем жизни», — утверждает Кубаньчбек Маликов⁴⁷. Именно после переводов пушкинских шедевров появляются в киргизской литературе крупные произведения подлинно реалистического характера.

Далее, Пушкин явился образцом высокой народности, отнюдь не связанной с механическим воспроизведением устаревших устно-поэтических форм. Эту мысль не случайно многократно подчеркивал Аалы Токомбаев, носящий высокое звание народного поэта Киргизии. Еще в 1937 году, выступая в качестве председателя юбилейного Пушкинского комитета на торжественном заседании в Киргизском драматическом театре, он призывал молодых писателей «...учиться у Пушкина умению сделать свое творчество народным»⁴⁸. В этом отношении пример Пушкина неразрывно связан, в глазах киргизского поэта, с примером Маяковского: «...Мы хотели научиться связывать свое

творчество с интересами народа, и кто же мог лучше научить нас, как не великие поэты братского русского народа. Вот почему свои первые робкие силы мы отдали переводческому делу — обратились сначала к Пушкину и Маяковскому. У них и у других мастеров поэзии мы научились идти в ногу с эпохой»⁴⁹.

В творчестве самого Токомбаева и других киргизских поэтов критика справедливо отмечала благотворное влияние и общей тональности произведений Пушкина, и отдельных, особенно близких каждому поэту, пушкинских образов и мотивов. Под этим влиянием, например, существенно обогатилась философская лирика Аалы Токомбаева, стихотворения которого «Мой тополь» и «Турмуш арабасы» перекликаются с философскими раздумьями пушкинских стихов — «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», «Цветок», «Телега жизни» и др.

Учеба у Пушкина была глубоко творческой. Это особенно очевидно на примере лирики Алыкула Осмонова. Складу его дарования пришлось по душе гармоническое, жизнеутверждающее, солнечное мироощущение Пушкина. Поздние стихи Осмонова, которые можно было бы назвать стихами после-пушкинского периода его творчества, значительно отличаются от стихов до-пушкинских. Конечно, определяющим началом и в первых и во вторых была прежде всего родная национальная почва, живая повседневность киргизской советской действительности. Но, как верно подметил Касымалы Баялинов, в стихах Осмонова, посвященных современному киргизскому колхозному аилу, «... чувствуется стремление сохранить пушкин-

скую музыкальность стиха, яркость образов, точность и краткость в выражении чувств»⁵⁰.

Таково, например, стихотворение Осмонова «Виноград». Написано оно во время тяжелой болезни поэта, которая явилась причиной его преждевременной смерти. Но, по словам балкарского поэта Кайсына Кулиева, хорошо знавшего А. Осмонова, он считал, что поэзия должна нести людям «что-то праздничное, радостное, светлое». «В годы болезни,— добавляет Кулиев,— им написаны такие солнечные стихи, как «Виноград»⁵¹.

В традициях родной поэзии поэт не мог найти темы, легкой в основу этого маленького шедевра: в скоговодческой Киргизии виноградарство не было развито. Возможно, правы те, кто ставит «Виноград» в связь с горячими призывами Алыкула Осмонова к землякам-дехканам — заниматься садоводством, выращивать овощи и фрукты, учиться земледелию у русских⁵². Но лирическая ода винограду лишена и тени дидактизма. Это переливчато-звонкий, язычески восторженный и светлый гимн плодам земли-кормилицы. Пластичность и жизнерадостность стихов Осмонова заставляют вспомнить такие перлы пушкинской анакреонтики, как «Бог веселый винограда...», «Вертоград моей сестры...» и одноименный «Виноград».

...Кудряволстый виноград,
Развесил кисти виноград,
Ты меда слаще, виноград,
В кустах всящий виноград!..⁵³

Вообще сильнее всего в стихах Осмонова отразился жизнелюбивый пафос «солнечной песни» (Герцен)

Пушкина. А это очень естественно повлекло за собой и прямые реминисценции. Известно, например, что словами из пушкинской «Вакхической песни», несколько перефразировав их, Алыкул Осмонов озаглавил одно из самых популярных своих стихотворений периода Великой Отечественной войны — «Да здравствует сердце, да здравствует разум!» («Жашасын жүрөк, жашасын акыл»). Этими же словами стихотворение заканчивается.

Чем вызвана такая переключка? Не является ли она механическим использованием пушкинской цитаты, ставшей крылатым афоризмом? Ведь по непосредственному своему сюжету «Вакхическая песня» связана как будто с мотивами веселого дружеского пира, а стихотворение Осмонова посвящено грозной и суровой воинской теме?

На самом же деле связь между этими произведениями подлинно органична, и Осмонов обнаружил глубокое творческое проникновение в существо пушкинской «Песни». «Вакхическая песня», по справедливой характеристике проф. Б. П. Городецкого, являлась «...глубоким обобщением..., с огромной силой утверждавшим правоту и необходимость той смелой и беззаветной борьбы с темными силами, которую самоотверженно вели братья, друзья и товарищи по духу, обобщением, прозвучавшим, по опубликовании стихотворения в год казни декабристов, как мощный призыв к бодрости, полный горячей веры в грядущую неизбежную победу света над тьмой...» Песня Пушкина говорила «...о непрестанной борьбе света с тьмой и неизбежной победе первого, знаменующей торжество человеческого разума над темными силами жизни...»⁵⁴

Стихотворение Осмонова внешне построено совсем иначе, чем пушкинское. Это не застольная песня, а боевая агитационная речь. Поэт словно произносит ее вслух, обращаясь к красноармейцам перед тем, как поднять их в атаку и вместе с ними во весь рост устремиться на врага. Она звучит как пламенный воинский клич; строфа за строфой идут на одном дыхании, мгновеньями как будто захлебывающемся от сильного волнения.

Но внутренний нерв этой речи, как и в «Песне» Пушкина,— борьба света с тьмою.

Стихотворение начинается характеристикой фашизма, олицетворяющего силы мрака. Он хочет «..все, что добыто | Упорным трудом, | Отнять у народа | И светлый наш дом | Навеки разрушить, | Воздвигнуть тюрьму | И тех, кто прозрел, | Тех повергнуть во тьму».

Далее все более крепнет и нарастает мотив могучей солнечной силы советского народа, противостоящей черным легионам фашизма: «Он — вихрь налетевший, | А мы — океан. | Весь мир мы объемлем! | Он — яростью пьян — | Промчится и сгинет, | А мощная гладь | Спокойные волны | Покатит опять...»

Финалом стихотворения, как и у Пушкина, становится страстный призыв к борьбе. Поэт полон веры в победу и высокой убежденности в величии, красоте и бессмертии тех святых, за которые сражается народ: «Вставай же, народ мой, | Для битвы кровавой | За нашу страну, | За свободу, за право, | За солнце над ширью | Родимых полей, | За радостный труд | И за счастье людей!»

Вот почему заключительные пушкинские слова так естественно завершают эти вдохновенные стихи —

так же естественно, как здравницы за родину и народ завершают сегодня политическое выступление или призывную боевую речь на поле сражения:

И пусть все народы,
Что враг покорил,
Сплотятся, восстанут,
Исполнятся сил

И против фашизма
Все двинутся разом!
Да здравствует сердце!
Да здравствует разум!⁵⁵

То было, конечно, не подражание Пушкину, а достойное продолжение самых глубинных пушкинских традиций в современных исторических условиях.

Могучее влияние Пушкина распространяется не только на лирику, но и на иные жанры киргизской литературы. Свой вклад внес он, вместе с другими русскими классиками, в формирование национальной прозы Киргизии. Не случайно переводы «Дубровского» и «Капитанской дочки» в середине 30-х годов печатались здесь в газетах, глава за главой, из номера в номер: они вызывали у читателей киргизов, по свидетельству современников-очевидцев, «особый волнующий интерес»⁵⁶.

Пушкин-прозаик особенно близок киргизским писателям-прозаикам. Вот как говорит об этом лауреат Ленинской премии Чингиз Айтматов: «Я прозаик, и, вероятно, поэтому мне больше всего понравились «Капитанская дочка» Пушкина и его «Повести Белкина». Я всякий раз вспоминаю «Капитанскую доч-

ку» как пример высокого мастерства и простоты, как историю целомудреннейшей любви, преданности людей друг к другу, верности их в самые трудные, крутые испытания судьбы»⁵⁷. В этих словах — творческое кредо самого Айтматова и программа развития лучших идейно-художественных традиций русской гуманистической литературы, адресованная молодым писателям наших дней.

Нельзя не заметить, что в киргизской прозе время от времени встречаются творческие отражения и переключки с мотивами пушкинской лирики. Это закономерно: проза киргизских писателей, как правило, глубоко лирична. Естественно поэтому, что, например, у Тугельбая Сыдыкбекова в «Людах наших дней» читатель может столкнуться с поэтически переосмысленными отзвуками стихотворения «Зимний вечер»⁵⁸.

А в одном из ранних рассказов Чингиза Айтматова есть очень своеобразное описание бунтующего потка, окованного ущельем. Оно вызывает в памяти заключительные строки пушкинского «Кавказа» — образ разъяренного Терека, который «бьется о берег в вражде бесполезной и лижет утесы голодной волной».

Вотще! Нет ни пищи ему, ни отрады —
Теснят его грозно немые громады.

У Айтматова же, в новелле «Сыпайчи», мы читаем: «В ущелье идет извечная борьба. Талас, стиснутый каменным ложем, неистово требует воли; он **со страшной силой бросается к подножьям утесов, бьется об их каменную грудь.** Но уввы! Утесы угромю-

молчат, они недвижны, равнодушны. В бессильной злобе захлебывается вспененная волна, падает навзничь и рассерженной змеей уползает назад. В глухом, тревожном рокоте реки слышится то угроза, то мольба. Вот, собрав свежие силы, волна снова бросается на скалистые стены ущелья и вновь отступает, тяжело вздыхая. И так без конца»⁵⁹.

Сходство деталей несомненно. Но тем разительнее их принципиальное отличие. Если говорить о главном, то совершенно противоположна символика этих описаний. В «Кавказе» мятежный Терек — символ скованного, но не сдавшегося народа. В «Сыпайчи» Талас — символ яростной стихии, победоносно смиряемой советскими людьми. Полностью оригинальны и стиль новеллы, и ее поэтические лейтмотивы; пушкинские нити, таким образом, вылезли в своеобразную по содержанию и ритмическому узору ткань айтматовской прозы.

Помог Пушкин и развитию киргизской драматургии. Талантливый драматург Джусуп Турусбеков творчески использовал художественные принципы «Бориса Годунова» в своей драме «Не смерть, а жизнь» («Аджал ордуна»), вот уже четверть века не сходящей со сцены киргизского национального театра. Пьеса Турусбекова посвящена кровавым событиям 1916 года, бегству десятков тысяч дехкан киргизов от царских карателей в Китай — и Великому Октябрю, спасшему киргизский народ от физического уничтожения, вернувшего ему родину и возродившего его к новой жизни. Опыт Пушкина помог Турусбекову построить сюжет не на выдуманной любовной интриге, а на развитии судеб народной истории. Цен-

тральными, как отмечает автор монографии о киргизской драматургии М. Борбугулов, стали те сцены, где главным героем выступает народ: возмущение, вызванное правительственным указом о насильственной мобилизации бедняков киргизов в царскую армию; прощание беглецов с Иссык-Кулем; скитания в Китае; возвращение в родной край⁶⁰. Не случайно, когда драма Джусупа Турусбекова в 1939 году была показана в Москве, то критика отмечала удачность именно этих сцен: «...в тех эпизодах, в которых раскрываются глубочайшие народные переживания, перед нами выступают большие и захватывающие художественные образы»⁶¹. Молодой драматург стремился следовать за Пушкиным и в индивидуализации характеров ведущих персонажей пьесы.

Нельзя, наконец, не упомянуть об огромной роли музыкальных произведений на пушкинские сюжеты в формировании современного киргизского национального искусства. Чрезвычайно ответственными для молодых киргизских певцов и композиторов явились выступления в юбилейных пушкинских концертах 1937 года. Народные артисты СССР Сайра Киңзбаева и Абдылас Малдыбаев считают их своим подлинным дебютом — первым сольным выступлением в сопровождении симфонического оркестра. Большим событием в общественной и культурной жизни Киргизии была постановка оперы «Евгений Онегин» (1942), символически совпавшая с разрушением фашистами Дома-музея П. И. Чайковского в Клину. Как только Клин был освобожден, молодой киргизский театр оперы и балета — первым из всех театров Советского Союза — послал туда фотографии сцен из этого спек-

такля⁶². В настоящее время на сцене этого театра, помимо «Евгения Онегина», с успехом исполняются «Пиковая дама», «Русалка» и другие оперы и балеты на сюжеты пушкинских произведений.

Пушкин — в сегодняшней Киргизии... Этой теме посвящено немало поэтических строк киргизскими писателями наших дней. Свою любовь к великому русскому поэту выразили в стихах и прозе Алымкул Усенбаев и Барпы Алыкулов, Кубанычбек Маликов и Темиркул Уметалиев, Джоомарт Боконбаев и Алыкул Осмонов, Тугельбай Сыдыкбеков и Аалы Токомбаев⁶³.

Произведения писателей Киргизстана о Пушкине интересны не только как дань глубокого уважения киргизских литераторов своему учителю. Эти стихи дают, кроме того, особенно ясное представление о характере восприятия пушкинского творчества в Киргизии. Они, далее, являются поэтическим свидетельством огромной популярности Пушкина в киргизском народе. И, наконец, стихи о Пушкине по-своему говорят о степени творческой зрелости национальной поэзии Киргизстана и о глубине усвоения ею пушкинских традиций.

Произведения киргизских акынов Барпы и Алымкула о Пушкине выдержаны в стиле фольклорных песнопений. По жанру они приближаются к устно-поэтическим восславлениям (мактоо). Тон их приподнят и торжествен. Такова, например, песня народного акына Киргизии Алымкула Усенбаева «Пушкину». Она насыщена символами, характерными для устной поэзии: «Лилась его песня рекой полноводной, | Свободно он пел, как поет соловей...»; «Был путь его прерван внезапною смертью — Последнюю песнь не

допель-соловей...» Так как посвящение Усенбаева создано в 1937 году, к столетию со дня кончины поэта, то сильны в нем и мотивы траурно-скорбные. Рядом с эскизно намеченными чертами героической биографии Пушкина — неожиданно для русского читателя, но в полном согласии с традициями киргизского фольклорного поминального плача (кошока) — возникают строки и целые строфы о неизбежности смерти: «...Но смерть поджидает и старых, и малых — | И время ее указать нам нельзя». Однако современная киргизская действительность определила появление реалистических образов в последних строфах песни: в каждом аиле любой человек знает портрет Пушкина; его стихи народ выучил наизусть; и он, акын Алымкул, берет комуз — неразлучного спутника киргизских певцов, — чтобы спеть по-киргизски песнь великого русского поэта.

Тесно связаны с фольклорной традицией стихи Тамиркула Уметалиева и Джоомарта Боконбаева о Пушкине. Речь Уметалиева в стихотворении «Пушкину» движется цепью многоцветных сравнений: пушкинская поэзия уподобляется океану, величавой русской ели, полету горного орла, а творчество автора — капле, чинаре, степному жаворонку. Связь своего стихотворения «Друг», посвященного Пушкину, с жанром фольклорного восхваления подчеркнул сам Боконбаев, назвав это произведение одой. Однако оба эти стихотворения, так же как и произведения Кубанычбека Маликова «Акыну акынов», и по содержанию, и по форме — современная, высоко профессиональная поэзия. Они построены, подобно стихам многих других поэтов братских народов СССР о Пушкине, как

ответ на пушкинский «Памятник». Каждый по-своему развивает общую основную мысль — радостное утверждение реальности сбывшегося пророчества великого русского поэта, гимн нерушимой дружбе народов Советской страны.

Темиркул Уметалиев:

Коль речь у нас о Пушкине заходит —
Киргизы просто говорят: «Ата!»*

Кубанычбек Маликов:

Над лирою твоей не властно время,
Ты будешь вечно жить в сердцах людских.
И «незнакомое младое племя»
Среди вершин Тянь-Шаня снеговых
С волненьем пушкинский читает стих.

Джоомарт Боконбаев:

Мы с Пушкиным сердцем срослись,
И с Пушкиным дружен киргиз.

Всех нас твоя русская муза
Сроднила по-отчески, Пушкин,
И слышится в звуках комуза
Твой голос пророческий, Пушкин.

Приведенные строки — особенно стихи Бокон-

* Ата (*кирг.*) — в прямом значении: «отец»; в более широком смысле: уважаемый и любимый человек старшего возраста (от «прародитель», «покровитель», «старший в роду»).

баева, благодаря удачному поэтическому переводу С. Липкина — стали в Киргизии подлинно крылатыми: их можно встретить в заголовках газет и журналов, на аншлагах школьных монтажей и стенгазет, под портретами и на почтовых конвертах.

Вечной жизни Пушкина среди людей Киргизии посвящены и сюжетные произведения. Такова баллада Кубанычбека Маликова «Долина Таласа». В основе ее лежит простая ситуация: парень и девушка читают Пушкина и Токтогула. «Казалось бы, и все. Но ведь в каплях росы у дороги, где происходит действие стихотворения, отразилось яркое солнце. Так и в этом маленьком эпизоде отразилось солнце нерушимой дружбы народов нашей страны»⁶⁴.

Одно из наиболее глубоких произведений киргизской поэзии на пушкинскую тему — стихотворение Аалы Токомбаева «У памятника Пушкину».

В основе произведения — поэтический прием, излюбленный самим Пушкиным: свои мысли и чувства, связанные с выдающимся человеком, автор облекает в форму размышлений, навеянных живописным или скульптурным изображением этого человека. Тот же прием использован и Маяковским в «Юбилейном». Таким образом, киргизский поэт, посвящая свое слово Пушкину, стремится говорить пушкинским языком.

Уже начало определяет тональность всего стихотворения. Поэт Киргизии пришел к подножию памятника Пушкину. Молча вглядывается он в облик «поэта поэтов»... Первая часть стихотворения — глубокое раздумье о трагической участи поэта правды в обстановке «жесточкого века». Чело поэта кажется оку-

таным дымкой печали. Недаром «ваятель голову твою склонил».

Ты правду звал всем строем гневных строк,
А тьмы кромешной одолеть не мог...

Чувство высокого драматизма продолжает звучать и дальше, в строках о странствиях Пушкина по родной стране, о его отзывчивости к страданиям и борьбе народов:

Скитаясь, изучил ты взором друга
Народы севера, востока, юга,
Ты пугачевского восстанья гром
Описывал сочувственным пером..

Скорбная напряженность, нарастающая в размышлениях о жизни Пушкина, закономерно разрешается торжественно-мажорным финалом: о бессмертии стихов поэта в сердцах его наследников, советских людей, и в их числе — тружеников сегодняшней Киргизии.

Недаром ты всем нашим людям близок,
Недаром для киргизов и киргизок,
Чьи радостью теперь полны сердца,
Нет более любимого певца!

Внутренняя эмоциональная сила этого произведения Токомбаева, одного из лучших стихотворений киргизской «пушкинианы», как раз и заключается в постепенном и закономерном переходе от суровых

строф начала, звучащего, как медлительные, низкие музыкальные аккорды, к светлой торжественности гимна в конце стихотворения. Сложность жизненной и поэтической судьбы великого человека; многообразие чувств, вызываемых его творчеством; неизбежность конечной победы сил правды и света — вот что стремился выразить в своих стихах киргизский поэт.

Особняком среди произведений писателей Киргизии на пушкинские темы стоит небольшое стихотворение Алыкула Осмонова «Пушкину» («Пушкинге»), написано в 1949 году. При жизни поэта оно не было опубликовано. В переводе на русский язык появилось лишь несколько лет назад.

Это не случайно. Хотя и написано оно в юбилейном году, когда отмечалось 150-летие со дня рождения Пушкина, стихотворение ни по тону, ни по содержанию не подходит под обычную рубрику юбилейных посвящений. Нет в нем и праздничной нарядности, какая в той или иной мере присутствует в других подобных стихах.

На первый взгляд может показаться, что стихотворение не увидело света потому, что оно слишком автобиографично. Это как будто скорее стихи об Алыкуле Осмонове, чем об Александре Пушкине. И в какой-то мере так оно и есть. В начале здесь звучат строки о судьбе киргизского парнишки, круглого сироты, который босиком догоняет свое счастье, уносимое вихрем жизни. И дальше речь идет тоже о личном — о своеобразном характере юного акына, о его душевных борениях, о его поэтической судьбе.

Но через личное, как всегда в лирике Осмонова, ярко проступает общее. Стихотворение «Пушкин»,

искреннее как исповедь, представляет собой интереснейший поэтический документ. Оно рассказывает об огромных реальных трудностях, которые сопутствовали молодым киргизским писателям, воспитанным традициями фольклора, на первых этапах освоения большой современной реалистической литературы.

Герой стихотворения — одаренный юноша из далекого киргизского аила первых послереволюционных лет. Он рано ощущает в себе поэтическое призвание и решает овладеть искусством слова. Его вкусы питаются родниками народной поэзии: «Влагу из озера песен испил я тринадцати лет», — говорится в оригинале стихотворения. Образ «озера песен» очень емко: он напоминает и об Иссык-Куле, несравненным певцом которого стал впоследствии Алыкул, и о природной фольклорной почве, взрастившей его талант. Свое представление о поэзии юноша составляет по песням акынов. Личная юношеская самоуверенность героя сплетается с национальными чертами горячего и задорного джигита, мечтающего одержать верх в любом песенном состязании.

Мы знаем, как произошла встреча реального Алыкула с Пушкиным: юноша, студент Киргизского педагогического техникума, потрясенный пушкинским стихотворением, попытался перевести его, но задача оказалась исключительно сложной, и справился он с нею полностью лишь несколько лет спустя.

Этот подлинный факт поэтически преображается в стихотворении Осмонова.

По старинному киргизскому обычаю молодой поэт должен был доказать свое право на звание народного певца в так называемом «айтыше» — импрови-

зационном поэтическом состязании со старшими по возрасту и уже признанными народом акынами. Встреча молодого и старого акына неизменно сопровождалась айтышем. Таковы были, например, встречи Токтогула с Барпы, Алымкулом и Тоголоком Молдо.

Встречу свою с Пушкиным и первую попытку воссоздать пушкинский стих в духе киргизских народных песен Алыкул Осмонов образно рисует тоже в виде своеобразного айтыша двух поэтов.

В свою очередь, это состязание выступает у него в облики картин, перекликающихся со сценами героического эпоса. Здесь богатыри, встретившись в чистом поле, обычно начинали знакомство традиционным поединком. Так же, как герои русских былин, прежде чем побрататься навеки, они должны были «силы богатырской переведати».

Таким образом, сцена поэтического состязания, воссозданная в образах ратной встречи двух эпических героев, лучше всего передавала, с точки зрения Осмонова, его юношеское впечатление от первой попытки изведать свои поэтические силы путем перевода пушкинских стихов.

В этой первой пробе герой стихотворения, как то и было в действительности, сначала терпит неудачу: и личных сил его, и привычных традиций было недостаточно, чтобы объять такое огромное и совершенно новое для молодого киргизского акына явление, как Пушкин.

Но поражение в конце концов оборачивается победой. Пушкин становится другом-наставником молодого поэта. Юноша обретает верный взгляд на то,

Слово твое
в свой ручеек погрузив.

Гордо ты плыл,
мощный властитель морей!
Каплей воды
мой показался ручей...
Низко склонил
голову я пред тобой
И возвестил
светочем жизни моей.

Так я постиг,
в чем твоя тайна, поэт:
Миру твой стих
дарует учения свет,
Все создает
словом чудесным поэт —
Школу,
ученых,
университет⁶⁵.

Разумеется, стихотворение Осмонова, точно так же как и стихи других киргизских писателей, говорило о величайшем преклонении автора перед гениальным русским поэтом. Достаточно вспомнить, кто написал это стихотворение — лучший переводчик Пушкина и его биографии на киргизский язык, один из самых ярких представителей пушкинских традиций в киргизской литературе. Отличается же оно только тем, что мужественно и правдиво говорит о нелегких путях, какими приходилось идти начина-

телям поэзии советского Киргизстана, чтобы овладеть этими благотворными традициями; об исторически необходимом процессе своеобразной, порою мучительной ломки устаревших эстетических представлений, которым сопровождалось здесь освоение великих образцов реализма и в первую очередь -- наследия Пушкина. А молодым поэтам оно преподносит урок литературной этики, призывая к трезвой самооценке и к вдумчивой учебе у классиков русского и мирового искусства.

*6. „... Работая для настоящего,
приготавливают будущее...“*

инило столетие с того дня, когда в устах русских людей, пришедших в Киргизию, впервые прозвучало в этом краю имя Пушкина. Сказочно преобразилась страна, по горам и долинам которой некогда проносились конные отряды пушкинских «кэргызцев-бурутов». Замечательные плоды принесла вековая русско-киргизская дружба.

Среди этих плодов — великая культурная революция и одно из ее замечательных проявлений, о котором писатель Тугельбай Сыдыкбеков коротко и точно сказал: «Пушкин вошел в жизнь и быт нашего народа».

Пожалуй, самым очевидным доказательством правоты этих слов может служить то, что сегодня обращение к Пушкину перестает быть в Киргизии чрезвычайным событием — оно становится повседневностью.

А С ПУШКИН

ХААНДЫН БАЛГОН КЫЗЫ
ЖЕТИ БААТЫР ЖОҢУНДА
ЖОМОК

«Сказка о мёртвой царевне..» на киргизском языке.
Автолитографии Л. А. Ильиной.

Каждый день звучит слово Пушкина во всех школах республики — и на русском, и на киргизском языках.

Если в тридцатые годы первые попытки детей киргизов самостоятельно читать пушкинские произведения специально освещались в республиканской печати как нечто из ряда вон выходящее, то теперь ученики киргизских школ нередко пишут сочинения в прозе и стихах о великом русском поэте и его героях¹.

Многотысячными тиражами разошлись по самым отдаленным уголкам Киргизии книги Пушкина².

Как правило, еженедельно на афишах столичного театра оперы и балета анонсируются пушкинские спектакли.

Трудно найти в республике человека, который не видел бы фильма на сюжеты произведений Пушкина.

Идет ли в Киргизии дискуссия о перспективах развития национального стихосложения — участники ее ссылаются на пример Пушкина. Размышляет ли киргизский критик о сущности поэзии — подтверждения своим мыслям он ищет в анализе пушкинских стихов. Углубляется ли историк в закономерности минувших событий — в его руках появляются «Капитанская дочка» и «Борис Годунов»³.

И если выходит из печати роман в стихах на киргизском языке, написанный строгими и стройными строфами, и читателю в описании национального балета попадает такая, например, строфа:

Она летит вблизи озерных вод,
Она летит вблизи волшебных скал.
Летит «и быстрой ножкой ножку бьет»,—
Как вечный Пушкин некогда сказал⁴,—

то читатель не удивляется. Сегодня ничего особенного в такой мимолетной поэтической цитате нет: писатель киргиз так же свободно и легко оперирует пушкинскими ассоциациями, как и его русский собрат по перу.

Конечно, немало еще нужно сделать в республике для того, чтобы во всей полноте освоить пушкинское наследие.

Каждое следующее поколение киргизской моло-

дежи, так же как и молодежь других братских народов СССР, будет предъявлять все более обширные и глубокие запросы, обращаясь к сокровищнице пушкинского творчества. Ибо, как писал еще Белинский, «...Пушкин принадлежал к числу тех творческих гениев, тех великих исторических натур, которые, работая для настоящего, прунготовляют будущее...»⁷ Следовательно, работу по освоению пушкинского творчества необходимо организовать, исходя из его особой значительности и долговечности — широко и фундаментально.

Подготовить, например, многотомное собрание сочинений Пушкина на киргизском языке, позаботившись о замене малоудачных переводов высокохудожественными и о переводе вещей, не звучавших доньше по-киргизски.

Расширить издание произведений Пушкина на русском языке для школьников киргизов — со словариками и комментариями.

Развернуть повседневную пропаганду русской книги, в том числе сочинений Пушкина, в самых отдаленных киргизских аилах, предварительно обеспечив необходимой литературой все сельские библиотеки и книжные магазины.

Добиться такого освоения русского языка детьми киргизами, оканчивающими восьмилетнюю национальную школу, чтобы они могли без затруднений приступить к чтению и изучению наиболее значительных произведений Пушкина, подобных «Евгению Онегину».

Создать методическое пособие — обстоятельную и живо написанную монографию, которая помогла бы

учителям увлекательно организовать работу над пушкинскими произведениями в киргизской школе.

Всесторонне, с максимальной полнотой, раскрыть благотворное влияние Пушкина на развитие киргизской советской литературы.

Убедительно показать молодежи на этом примере пути творческой учебы у величайшего русского поэта и побудить тем самым к плодотворным поискам новых художественно совершенных форм, гармонически выражающих новое идейное содержание.

Творчески воспринять и развивать во всех жанрах, особенно в лиро-эпических (поэма, эпопея, роман в стихах), лучшие традиции пушкинского художественного мастерства: проблемность, лаконизм, стремительность повествования, остроту и меткость рисунка в обрисовке характеров.

Учиться у великого русского поэта энциклопедической широте охвата действительности, точности и глубине изображения общественной жизни, в частности — изображения быта, истории и взаимоотношений различных народов, населяющих нашу Родину...

Нет сомнения — все это будет осуществлено.

Ибо главное уже совершилось: русский национальный поэт Пушкин становится подлинно народным поэтом в Советской Киргизии наших дней.

И в этом — великое обыкновенное чудо социализма, поднявшего народы, еще совсем недавно, казалось, обреченные на угасание, к высотам государственного и культурного строительства и приобщившего их к источникам всех духовных богатств, которые выработало человечество.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Загадочные термины

¹ Называем для примера лишь некоторые из работ по данной тематике: А. И. Белецкий. Пушкин и Украина.— «Наукові записки» Киевского университета, т. 13, вып. 2, сб. филолог ф-та, № 6, 1954, стр. 61—119; И. К. Енколопов. Пушкин в Грузии.— «Зоря Востока». Тбилиси, 1950; К. В. Айвазян О «Путешествии в Арзрум». (Пушкин и Армения).— «Труды Первой и Второй Всесоюзных пушкинских конференций (...)». АН СССР М.—Л., 1952, стр. 158—191; М. Николаев. Пушкин и Кабарда.— Альманах «Кабарда», кн. 3, Нальчик, 1950, стр. 218—233; Б. А. Трубецкой. Пушкин в Молдавии. Госиздат Молдавии. Кишинев, 1954; Гр. Смольяков. Пушкин в Калмыкии.— «Кн. новости», 1937, № 1, стр. 53; А. Любарский. Связи А. С. Пушкина с Эстонией. «Сов. Эстония», 1953, 11 июля. № 162, стр. 3; А. Н. Усманов. Башкиры в произведениях А. С. Пушкина.— «Записки» Института ист., яз. и лит-ры Башкирского филиала АН СССР, серия филологическая, вып. I, Уфа, 1953, стр. 63—76; М. И. Фетисов. Пушкин и русско-казахские литературные связи.— В его кн.: «Лит. связи России с Казахстаном. 30—50-е годы XIX века». АН СССР. М., 1956, стр. 35—62.

² См.: А. С. Пушкин. Избранные произведения в трех томах. Детгиз. М.—Л., 1949, т. III, стр. 791. Статьи и комментарии Д. Д. Благого.

³ Здесь и далее в тексте цитаты из произведений А. С. Пушкина даются по изданию: Пушкин. Полное собрание сочинений. (В. 16-ти томах.) Изд. АН СССР, 1937—1949. Первая, римская цифра означает том; если цитируется одна из частей тома, как наз. «полутом», то она обозначается арабской цифрой, соединенной с римской через тире; после запятой — арабская цифра, обозначающая страницу. Составитель цитируемого алфавитного указателя к IX тому — Г. П. Блок.

⁴ «Словарь языка Пушкина в четырех томах». Гос. изд-во иностранных и нац. словарей. Том второй. М., 1957, стр. 317. (АН СССР. Ин-т языкознания). Редактор тома В. Н. Сидоров.

⁵ В последующем изложении автором частично использован материал опубликованных им ранее работ: 1) Новое о Пушкине и киргизах.—«Комсомолец Киргизии», 1957, 20 ноября, № 139, стр. 3; 2) О преподавании русской литературы в VIII—X классах киргизской школы. Фрунзе, 1958, стр. 71—86; 3) Значительный научный труд. О вкладе русских ученых и писателей в изучение Киргизии.—«Сов. Киргизия», 1958, 1 июля, № 150, стр. 2; 4) К вопросу об источниках одного из эпизодов «Истории Пугачева» А. С. Пушкина.—«Тезисы докладов и сообщений 7-й научной конференции проф.-препод. состава» (Кирг. университет, филолог. фак-т). Фрунзе, 1959, стр. 59—66; 5) Русский ученый XVIII века о киргизах.—«Лит. Киргизстан», Фрунзе, 1959, стр. 122—126; 6) У истоков русско-киргизских литературных связей.—«Русский язык в киргизской школе», Фрунзе, 1962, № 1 (15), стр. 27—32.

После наших сообщений материалы о киргизских интересах Пушкина постепенно начали входить в научный и литературный обиход. См.: З. Л. Амитин-Шапиро. Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии (1750—1917). Изд. АН Киргизской ССР, Фрунзе, 1958, стр. 18; З. Л. Амитин-Шапиро. Заметки по «Истории Киргизии».—«Комсомолец Киргизии», 1958, 19 марта, № 34, стр. 4; Дм. Брудный. Традиции литературы. К вопросу о русско-киргизских литературных связях.—«Советская Киргизия», 1959, 22 мая, № 117, стр. 2—3; Д. Л. Брудный. К вопросу о традициях и влиянии в киргизской литературе.—Сб. «Русский язык и литература в нерусских школах Киргизии», Фрунзе, 1962, стр. 246; Дм. Брудный. Из истории русско-киргизских литературных связей. Киргизучпедгиз. Фрунзе, 1960, стр. 4, 36—40 (ср. рец.: С. Даронян. Неполющенное исследование.—«Сов. Киргизия», 1961, 9

июня, № 134, стр. 3; см. наши возражения С. К. Дароняну и коррективы к некоторым формулировкам Д. Л. Брудного: «Рус. яз. в кирг. школе», 1962, № 1, стр. 27—28); М. Рудов. «С Пушкиным дружен киргиз». — «Комсомолец Киргизии», 1959, 7 июня. № 68, стр. 3; Е. К. О з м и т е л ь. Пушкин в киргизской школе. (Обзор литературы). — «Рус. яз. в кирг. школе», 1962, № 1, стр. 22, 25.

2. Первая статья об отличии киргизов от казахов (А. С. Пушкин и А. И. Левшин)

¹ «Московский телеграф», 1828, № 24, «Современная библиография», стр. 544—545.

² См. об этом: С. Л. Мухнина. «Московский телеграф» Н. А. Полевого (1825—1834) о народах России. — «Ученые записки» Ошского пед. ин-та. Вып. 1. Андижан, 1957, стр. 41—62.

³ «Московский телеграф», 1828, № 24, стр. 545.

⁴ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества. 1845—1895. (...) Часть I. Отделы I, II и III. СПб., 1896, стр. 3.

⁵ И. В. Мушкетов. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествия с 1874 по 1880 г. Том первый. В двух частях. СПб., 1886, стр. 95, 96.

⁶ О. В. Маслова. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Материалы к истории изучения Средней Азии. Часть I. 1915—1956. Изд. САГУ. Ташкент, 1955, стр. 7—8.

Автор, между прочим, приводит любопытное свидетельство географа Я. Ханькова (1851): «...Генс, являвшийся величайшим знатоком киргизских степей и киргизского быта, не нашел при просмотре этой книги (книги А. И. Левшина. — Л. Ш.) ни одного большого промаха».

⁷ См. «Комсомолец Киргизии», 1957, 20 ноября, № 139, стр. 3.

⁸ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1251. Подчеркнуто Пушкиным. Воспроизводим с приближением к современной орфографии. Знак примечания в виде звездочки принадлежит Пушкину. Этот знак мог отсылать либо к приписке в конце письма (позднее отрезанной и до нас не дошедшей), либо к той самой приписке о Лев-

шине, которая нас интересует (и которая, однако, не снабжена знаком звездочки). Участие М. П. Погодина в данном письме, с нашей точки зрения, бесспорно исключается ироническим отзывом Пушкина.

⁹ В первых публикациях письма Пушкина к Туманскому из Москвы (февр. 1827 г.) приписка о Левшине цитировалась как пушкинская, без всяких оговорок. См.: «Черниг. губ. ведомости», 1890, № 27, стр. 3 (Р. А. Милорадович); «Русская старина», 1890, т. XVII, авг., стр. 381—382 (С. Н. Брайловский); «Русский архив», 1890, т. III, стр. 98 (П. И. Барте-нев). Б. Л. Модзалевский же полагал, что приглашение Левшину участвовать в «Московском вестнике» исходило от М. П. Погодина: «Письмецо Пушкина было послано, вероятно, при чем-нибудь другом письме (быть может — Погодина?), заключавшем в себе приглашение поэта к участию в «Московском вестнике»; «Левшин исполнил переданное ему через Пушкина желание редакции «Московского Вестника». См.: Пушкин. Письма. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. Том II. 1826—1830. Труды Пушкинского дома АН СССР. ГИЗ. М.—Л., 1928, стр. 224, 225. Ср. стр. 26, где имеется помета «Сбоку, другой рукой».

В комментариях Б. Л. Модзалевского об А. И. Левшине со-держится ряд неточностей. Основной труд Левшина о казахах, указывается здесь, написан «... на основании сведений, собранных... в Архиве Азиатского департамента в 1822 г....» Сам Левшин, однако, отмечал, что его занятия в этом архиве относятся к 1819 и 1820 году, а с 1820 по 1822 гг. он находился в Оренбурге и казахских степях. «Я выехал из Оренбурга в 1822 году. Материалы для сего сочинения были тогда уже почти все приготовлены мною; оставалось только привести их в порядок и заняться изданием...» (А. Левшин. Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей... Часть I. СПб., 1832, стр. VI). Еще более поздняя дата выезда из Оренбурга — 1823 год — названа Левшиным в его мемуарах, прочитанных им на своем юбилее в 1868 году (сб. «На память юбилея А. И. Левшина». СПб., 1868, стр. 30). В своем комментарии Б. Л. Модзалевский в данном случае повторил сведения из заметки (П. И. Бартенева?) «Книжные редкости», напечатанной в 1892 году в журнале «Русский архив» (I, стр. 403—404, под № 224; зарегистрирована в библиотеке Б. Л. Модзалевского). В названии статьи Левшина, напе-

чатанной «Московским вестником», комментатором также допущена ошибка («...и отличие...» вместо «...и отличии...»).

Следует, однако, отметить, что, несмотря на авторитет Б. Л. Модзалевского, который был одним из виднейших пушкинистов, многие литературоведы, порою даже цитируя его комментарий, фактически считали, что именно Пушкин привлек Левшина к участию в «Московском вестнике». См.: «Пушкин. Статьи и материалы». Под ред. М. П. Алексеева. Вып. 3. Одесса, 1927, стр. 62; С. Я. Гессен. Примеч. к сб. «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников», Гослитиздат, Л., 1936, стр. 592; В. С. Алексеев — Попов. Пушкин и литературная жизнь Одессы первой половины XIX века.— Сб. «Пушкинская юбилейная научная сессия. Тезисы докладов». Изд. Одесск. гос. ун-та Одесса, 1949, стр. 42; З. А. Бориневич — Бабайцева. Одесские впечатления в творчестве Пушкина после 1824 года.— «Праці Одеського Державного університету ім. Мечнікова. Збірник філолог. ф-ту», ч. IV, Одесса, 1954, стр. 78.

Статья А. И. Левшина, напечатанная в «Московском вестнике», впоследствии вошла не в 3-ий (как писал В. И. Туманский Пушкину), а во 2-ой том «Описания Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей».

¹⁰ См.: «Письма из Малороссии, писанные Алексеем Левшиным. Харьков, в Университетской типографии 1816 года». 206 стр. Об Искре и Кочубее — стр. 14 и 109, о Баяне — стр. 86—87 (не учтено в литературе о «Слове»), о «козаках» — стр. 60, Руссо — стр. 65.

¹¹ ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2649, л. 1 (об.). Письмо И. П. Срезневского к А. И. Левшину. Харьков, 2 сентября 1833 г.

¹² «Русский архив», 1894, I, стр. 584. Письмо А. И. Левшина к А. Г. Тройницкому. Деревня Пятая Гора, 10 октября 1838 г.

¹³ Эта записка, без обращения и даты, находится в рукописном фонде ИРЛИ среди других писем А. И. Левшина к В. Г. Теплякову (шифр 9231 — ЛП б. 73). Предположительно ее можно датировать началом 1830-х годов.

¹⁴ С. Я. Гессен. Примеч. к сб. «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников». Гослитиздат, Л., 1936, стр. 592.

¹⁵ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Том 8. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 93.

¹⁶ А. И. Левшин. Достопамятные минуты в моей жизни.— «Русский архив», 1885, кн. 8, т. III, стр. 477.

17 «Голос», 1868, 1 (13) мая, № 120, стр. 3.

18 Сб. «На память юбилея А. И. Левшина». СПб., 1868, стр. 32—33.

19 См.: Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформы П. Д. Киселева. Том II. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 88—89. Характеризуя Левшина 40—50-х годов как одного из «прогрессивно настроенных бюрократов», Н. М. Дружинин подчеркивает, что «...именно от него исходила инициатива в постановке крестьянского вопроса после московской речи Александра II» (там же, стр. 89, 554, 555, 589). Ср. высказывание А. И. Левшина в письме к М. С. Воронцову от 15 июня 1840 г.: «...почти все начинают понимать, что не только можно жить без крепостных мужиков, но что даже это имеет свои выгоды». — «Архив князя Воронцова», кн. XXXIX, М., 1893, стр. 168.

²⁰ Имеются два мемуарных свидетельства о том, что особой близости между поэтом и ученым не было.

Одно принадлежит И. П. Липранди. В своих мемуарах он утверждал, что Пушкин в пору своей жизни в Одессе вообще «не искал быть в кругу лиц, шедших тем же литературным путем, как и он». Левшина же, по словам мемуариста, «находил он слишком серьезным прозаиком». С Туманским «он был ближе», но не так, как со своими кишиневскими друзьями, подобными В. Ф. Раевскому (Сб. «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников». Гослитиздат, Л., 1936, стр. 261).

Второе свидетельство — самого А. И. Левшина. Относится оно к 1868 году, когда праздновался пятидесятилетний юбилей деятельности Левшина на государственном поприще. Юбиляр вспомнил в своей речи «бессмертного нашего поэта», но попытался при этом защитить графа М. С. Воронцова, объяснив столкновение между ними «раздражительным» якобы характером Пушкина. О своих тогдашних отношениях с Пушкиным оратор ничего не сказал, но вывод как будто вытекал сам собою, ибо было хорошо известно, что Левшин в 20—30-е годы (до 1837 г.) являлся ближайшим помощником Воронцова по управлению Одессой и Новороссийским краем. (См. сб. «На память юбилея А. И. Левшина». СПб., 1868, стр. 51).

К обоим свидетельствам надо, однако, отнестись критически.

На сомнительность старческих воспоминаний Левшина справедливо указывалось уже составителями «Материалов для биографического словаря одесских знакомых Пушкина»: «Нужно

помнить, однако, что это сказано было на официальном юбилейном торжестве; это лишает указанное свидетельство достоверности...» (Сб. «Пушкин. Статьи и материалы». Под ред. М. П. Алексеева. Вып. 3. Одесса, 1927, стр. 62). Можно прибавить: юбилейное высказывание сделано почти полвека (44 года) спустя после личного общения Левшина с Пушкиным и принадлежит оно не молодому одесскому литератору, а генералу и бывшему «товарищу министра», одному из столпов царствования Александра II, составителю важнейших документов дворянской реформы 1861 года, сановнику, осыпанному высочайшими милостями и удостоенному в день юбилея императорским рескриптом. Из этой речи нам ясно, как Левшин относился к Пушкину в 1868 году, но она не дает ответа на вопрос об их отношениях в 1824 году.

Показание Липранди тоже небезупречно. В нем явно сквозит распространное в свое время ложное представление о Пушкине как о беззаботном баловне муз и любимце легких наслаждений. «Серьезный прозаик» (если эта оценка Левшина действительно принадлежит Пушкину) не мог не заинтересовать автора первых строф «Евгения Онегина» и заметок 1822 года о прозе («Она требует мыслей и мыслей...»), собеседника Пестеля и Чаадаева, оппонента Катенина и Бестужева. Во всяком случае «серьезность прозы» Левшина никак не могла оттолкнуть от него Пушкина. Многочисленные пометки почти на всех левшинских сочинениях, принадлежавших поэту, позднейшие пушкинские цитаты из Левшина, ссылки на него, отзывы о нем явно противоречат утверждению Липранди. Субъективность его рассказа подчеркивается и такой деталью: на основании его сдержанного отзыва о том, что Пушкин с Туманским «был ближе», но не так, как с кишиневцами, мы никогда не смогли бы предположить, что великий поэт был на «ты» со своим одесским коллегой, дружески переписывался с ним и тепло отзывался о нем в своих стихах. А ведь все это имело место!

Небезынтересна, наконец, такая деталь. Стариковские воспоминания Левшина о Пушкине написаны не самостоятельно, а под непосредственным воздействием появившихся незадолго перед тем мемуаров Липранди. Зачитав рукопись своих воспоминаний на празднике, устроенном в честь 50-летия его государственной деятельности, юбиляр прямо сослался на опубликованные мемуары, тут же педантично назвав соответствующий том и страницу: «Если желаете знать подробности удаления Пушкина из Одессы,

прочтите правдивый рассказ И. И. Липранди, напечатанный в Русском архиве, год четвертый (стр. 1459 до 1491)» (сб. «На память юбилея А. И. Левшина». СПб., 1868, стр. 32).

Отношение Воронцова к Левшину, в общем покровительственно-дружественное (но не помешавшее наместнику без колебаний расправиться со своим любимцем в 1837 году, когда в Одессе произошли вспышки чумы во время пребывания здесь высочайших особ), лучше всего характеризует переписка, опубликованная в «Архиве князя Воронцова», кн. XXXIX, М., 1893.

Нельзя не заметить, кстати, что биография А. И. Левшина изучена слабо. Жизни и творчеству этого интересного писателя и замечательного ученого не посвящено ни одной монографической работы. Не исключено, что материалы, находящиеся в архивах Одессы, Харькова, Воронежа, Оренбурга и других городов, прольют дополнительный свет на деятельность Левшина и его взаимоотношения с Пушкиным.

²¹ Сб. «На память юбилея А. И. Левшина». СПб., 1868, стр. 2.

²² Н. Болдырев. Исследователи нашего края.— «Уральские войсковые ведомости», 1874, № 2.

²³ Сб. «На память юбилея А. И. Левшина». СПб., 1868, стр. 30. В оригинале — «частных поездок», что, видимо, является опечаткой.

²⁴ «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей. Сочинение Алексея Левшина (...), ч. I, СПб., 1832, стр. IV.

²⁵ Сб. «На память юбилея А. И. Левшина». СПб., 1868, стр. 14—15. Из выступления Ф. А. Бюлера. Бюлер сам занимался изучением быта восточных народов. Ему, в частности, принадлежит работа «Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы» («Отеч. записки», 1846, т. т. 47—49).

²⁶ Сб. «На память юбилея А. И. Левшина». СПб., 1868, стр. 29—30.

²⁷ Там же, стр. 31.

²⁸ «Русская старина», 1905, № 4, стр. 210.

²⁹ «Северный архив», 1825, ч. 18, № XXIV, стр. 313. Интересно, между прочим, замечание Левшина о казахском фольклоре: «Во всех рассказах сего народа видно пылкое воображение и склонность к пиитическому энтузиазму» (стр. 320).

³⁰ См. многочисленные намеки на это в письмах Пушкина к Погодину (XIII, 340—341; XIV, 21).

³¹ А. И. Левшин. Об имени Киргиз-Казакского народа и отличии его от подлинных, или диких Киргизов.—«Московский вестник», 1827, часть четвертая, № XIV, «Смесь», стр. 432—451. Приведенная цитата — стр. 432.

³² Там же, стр. 448—449.

³³ См.: (Е. Ф. Тимковский). Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах (...) Часть первая: переезд до Пекина. СПб. (...) 1824, стр. 256, и А. И. Левшин, цит. соч., стр. 444—446.

³⁴ См.: Н. П. Барсуков. Жизнь и труды Погодина. Кн. 2, СПб., 1889, стр. 81—82 (письмо енисейского губернатора Степанова к М. П. Погодину). Ср. стр. 73 (письмо В. И. Туманского к М. П. Погодину).

Положительное мнение о статье А. И. Левшина высказал и сам Погодин в примечании к ней: «Издатель приносит усердную благодарность достопочтенному сочинителю за доставление... превосходной статьи и просит покорнейше всех наших ученых украшать Московский Вестник своими сочинениями» («Московский вестник», 1826, № XVI, стр. 451).

³⁵ См.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание.—«Пушкин и его современники». Вып. IX—X. СПб. 1910, стр. XII, 128 (№ 478).

³⁶ «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей. Сочинение Алексея Левшина, члена разных ученых обществ Российских и иностранных. Часть первая: известия географические. СПб. В типографии Карла Крайя. 1832». Часть вторая: исторические известия. Стр. 1—23.

³⁷ См.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание.—«Пушкин и его современники». Вып. IX—X. СПб. 1910, стр. 58 (№ 213).

³⁸ Сб. «На память юбилея А. И. Левшина». СПб., 1868, стр. 14.

³⁹ «Голос», 1879, 21 сентября, № 261, стр. 3. Судя по фразеологическим совпадениям с цитированной выше речью на юбилее А. И. Левшина, автором некролога является, по-видимому, тот же Ф. А. Бюлер.

⁴⁰ См.: М. П. Алексеев. Пушкин и Китай.—Сб. «Пушкин и Сибирь». Востсибоблгиз. М.—Иркутск, 1937, стр. 127. Ср.

Пушкин, т. XIII, стр. 163; Б. Л. Модзалевский, цит. соч., стр. 131 (№ 506).

⁴¹ «Сибирский вестник», 1820, XII, кн. 12, стр. 212 (255). Ср.: А. И. Левшин, цит. соч., ч. 2, стр. 19. Этот номер журнала сохранился в личной библиотеке А. С. Пушкина (см. Б. Л. Модзалевский, там же).

3. По следу, проложенному Пушкиным

(Документы об „Алтай-киргизах“)

¹ «Малейшие подробности жизни великого человека могут быть, если не полезны, то по крайней мере занимательны...» (А. И. Левшин. Жизнь Говарда.— «Одесский альманах на 1831-й год, изданный П. Морозовым и М. Розбергом», стр. 149).

² См.: акад. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. С портретом и снимком почерка Рычкова. Изд. ОРЯС Имп. АН СПб., 1867, стр. 165—166; В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. Гос. изд-во географ. лит-ры, М., 1950, стр. 229—233.

³ См.: П. Пекарский, цит. соч., стр. 165; В. Н. Татищев, цит. соч., стр. 231.

⁴ Такое предположение было высказано нами в статье «Значительный научный труд».—«Сов. Киргизия», 1958, 1 июля, № 150, стр. 2.

⁵ В сборник «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсманна, С. С. Неустроева», Географгиз, М., 1949, не включена и та часть «Топографии Оренбургской», в которой дается характеристика ряда тюркских народов (см. стр. 38).

⁶ См.: Ф. Н. Мильков. П. И. Рычков. Жизнь и географические труды. Географгиз. М., 1953, стр. 13—15.

Известный специалист по истории отечественной науки проф. А. И. Андреев, в ответ на дополнительный запрос автора настоящей брошюры, любезно сообщил, что рукопись П. И. Рычкова до сих пор полностью не опубликована.

⁷ В некоторых биографических очерках о П. И. Рычкове «Краткое известие о татарах...» датируется 1745 годом (указано нам кандидатом исторических наук Э. А. Масановым. Алма-Ата).

⁸ Здесь и далее труд П. И. Рычкова «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются. Собрано в Оренбурге ис книг турецких и персических, и по скаскам бывалых людей, и рассмотрению при сочинении обстоятельного о сих народах описания» цитируется по рукописи, хранящейся в Архиве Акад. Наук Союза ССР (разр. II, оп. 1, № 126, лл. 1—21). Интересующие нас материалы находятся на лл. 1, 1 об., 2 об., 3, 7; 20 об., 21 (характеристика целей работы и источников, полемика); 9 (описание племени «Алатай-киргизов»), 15 об. (описание племени «киргизкайсаков... или просто казаков»). Орфография и пунктуация несколько приближены в наших цитатах к современным нормам.

Разбираемая рукопись, по-видимому, второй вариант работы П. И. Рычкова: она датирована 10 апреля 1750 года, т. е. уже после получения замечаний Гатищева, и в ней учтены некоторые пожелания, высказанные Василием Никитичем в декабре 1749 года.

⁹ О р и ж е н — происхождение; здесь: место первоначально-го расселения.

¹⁰ П. И. Рычков, цит. рукопись, лл 1—1 об.

¹¹ Там же, лл. 2 об.— 3.

¹² Г е н е р а л н о (генерально) — вообще, общо; здесь: общим именем.

¹³ П. И. Рычков, цит. рукопись, л. 7. То же — на л. 4 об. с оговоркой: «... кроме одного малолюдного роду, около Туркестана, о коем ниже».

¹⁴ Рычков, как и русские этнографы позднейшего времени (А. И. Левшин, Н. Я. Бичурин), пишет не «казахи», а «казаки». Так это слово пишется и в современном киргизском и казахском языках: здесь второе «к» — задне-язычное.

¹⁵ П. И. Рычков, цит. рукопись, л. 15 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ П. И. Рычков, цит. рукопись, л. 9.

¹⁸ Там же, л. 21.

¹⁹ Очевидно, например, что «Найматан» (в «Топографии» — «Наймачин») — это современный Наманган, а «Марталан» — нынешний Маргелан.

²⁰ Жоомарт Бөкөнбаев. Чыгармаларынын толук жыйнагы. I т. Кыргызмамбас. Фрунзе, 171-бет. Перевод В. Н. Шнейдмана и наш.

21 «Народы Средней Азии и Казахстана». Этнографический очерки. Под общей ред. чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова. Т. 2. Изд. АН СССР. М., 1963, стр. 157. Цитата из рукописи Рычкова и комментарий к ней даются здесь по материалам нашей статьи.

22 «Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное (...) Петром Рычковым», часть I, СПб., 1762, стр. 133—134. В «Аннотированном указателе...» З. Л. Амитина-Шапиро отсутствует.

23 См.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание.— «Пушкин и его современники», вып. IX—X, СПб., 1910, стр. 91; № 342. «Книга,— отмечает Б. Л. Модзалевский,— служила, очевидно, при работах Пушкина над «Историей Пугачевского бунта» (стр. 91).

24 См., напр., А. С. Пушкин, цит. изд., т. IX, полумом I, стр. 85—88, 380 и след. Ср.: Г. К. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. Изд. АН СССР. М.—Л., 1949, стр. 181; А. Грушкин. Пушкин 30-х годов в борьбе с официозной историографией («История Пугачева»). «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии». Том 4—5. Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 218 и след.

25 П. И. Рычков, цит. рукопись, л. 15 об.

26 Письмо П. И. Рычкова к Миллеру от 28 июля 1759 года. Цит. в кн.: П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова (...) СПб., 1867, стр. 81.

27 См. указанную выше работу «К вопросу об источниках одного из эпизодов «Истории Пугачева» А. С. Пушкина».— «Тезисы докладов и сообщений на 7-й научной конференции (...)», Фрунзе, 1959, стр. 60 и 66.

28 «Дневные записки путешествия Капитана Николая Рычкова в Киргис-Кайсацкой степе, 1771 году. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук, 1772 году», стр. 74. (Здесь же — развернутые сведения о горах Ала-Тау). Ср. Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание.— «Пушкин и его современники», вып. IX—X, СПб., 1910, стр. 90—91, №№ 340—341.

29 «История российская с самых древнейших времен через тридцать лет собранная и описанная покойным Тайным Советником и Астраханским Губернатором Василием Никитичем Татищевым. Книга первая. Часть первая. Напечатано при Императорском Московском Университете. 1768 год», стр. 283. В «Ан-

ногированный указатель...» З. Л. Амитина-Шапиро — замечательный библиографический труд, отразивший основную литературу о Киргизии с 1750 по 1917 годы, — не вошло.

На пропуск трудов П. И. Рычкова и В. Н. Татищева в справочнике З. Л. Амитина-Шапиро несколько позднее автора настоящей брошюры, но независимо от него, печатно указал в своих содержательных работах Э. А. Масанов. См.: Э. А. Масанов. Кыргызстандын тарыхы жана этнографиясы боюнча баалуу эмгектер. — «Мугалимдер газетасы», 1959, 16 июня, № 48, стр. 3, и Э. А. Масанов. Об этнографическом изучении Казахстана в России до 1845 года. — «Труды» Института истории, археологии и этнографии Академии Наук Казахской ССР, том 6, Алма-Ата, 1959, стр. 215—245.

⁸⁰ В. Н. Татищев. История российская... М., 1768, стр. 277.

4. А. С. Пушкин и Н. Я. Бичурин **о „кэргызцах“ (бурутах)**

¹ (Н. Я. Бичурин). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем состоянии. Перев. с китайского монахом Иакинфом. Часть I. СПб., 1829. В тип. Карла Крайя. Стр. VII—VIII.

² Там же, стр. VIII.

³ Там же, стр. XXV—XXIX.

⁴ Из воспоминаний М. П. Погодина в сб. «В память о кн. В. Ф. Одоевском». М., 1869, стр. 56. Цитируется по работе: М. П. Алексеев. Пушкин и наука его времени. — Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», т. I, изд. АН СССР. М.—Л., 1956, стр. 57. Отсюда же заимствуем сведения о предполагаемом путешествии Пушкина на восток.

⁵ Кубанычбек Маликов. Акыну акынов. Перевод В. Потаповой. — В его кн.: «Весна Тянь-Шаня», М., 1950, стр. 37—41.

⁶ См.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. (Библиографическое описание). — «Пушкин и его современники». Вып. IX—X. СПб, 1910, стр. 71 (№ 267).

⁷ См. вступительную статью проф. А. Н. Бернштама в кн.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том I. Изд. АН СССР. М.—Л., 1950, стр. XII.

⁸ Проф. П. А. Преображенский. Пушкин в самарских краях.— Бюллетень Общества Археологии, Истории, Этнографии и Естествознания при Самарском гос. университете, № 3, 1 декабря 1925 года, стр. 18.

⁹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1139, л. 172. Пользуемся случаем, чтобы поблагодарить научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР Е. Д. Мордовченко за оказанное нам содействие в работе над оригиналами рукописей Пушкина и предоставление фотокопий с них.

¹⁰ Последнее соображение подсказано нам чл.-корр. АН СССР П. Н. Берковым.

Любопытно, что, изучая «Описание земли Камчатки, принадлежавшее перу выдающегося русского путешественника XVIII века Степана Петровича Крашенинникова, Пушкин обратил особое внимание на лицо, носившее фамилию Кыргызов. В пушкинских выписках это написание то сохраняется, то чередуется с вариантом «Киргизов» (X, 359—360). Поэта, конечно, заинтересовал прежде всего гордый и неуступчивый характер Кыргызова, отважного бунтовщика, долгое время державшего в страхе чиновников Верхнего и Нижнего острогов Камчатки (см. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. Изд. Главсевморпути. М.—Л., 1949, стр. 485—486). Однако эта фамилия заинтересовала Пушкина и сама по себе, своей необычностью и максимальной близостью к подлинному самоназванию киргизов. Сначала он даже усомнился в правильности написания этой фамилии, записав рядом с нею в скобках: «(Козырев?)» (X, 359), но затем вернулся к оригиналу: «Кыргызов» (X, 360).

Не исключено, что Кыргызов вел свое происхождение от лиц киргизской национальности. Народ с племенным названием «кыргыз» жил и в Сибири. Вопрос об отношении его к среднеазиатским киргизам со времени спора между Н. Я. Бичуриным и А. И. Левшиным является предметом научных дискуссий.

Начертание «кыргыз» встречалось Пушкину и в книге Н. Н. Муравьева «Путешествие в Туркмению и Хиву», которую, как отмечалось выше, журнал «Московский телеграф» относил к числу трех наиболее выдающихся трудов русских ориенталистов — наряду с книгами Левшина и Мейендорфа. См.: «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерально-го штаба капитана Николая Муравьева, посланного в силу страны для переговоров, с картинами и чертежами и проч

Москва. В типографии Августа Семена. 1822», стр. 67 («...во время нападений Киргиз-Кайсаков, или, как они говорят, *Кыргыз Казахов*»). Французское издание этой книги (Париж, 1823) сохранилось в личной библиотеке Пушкина, стр. 1—265 разрезаны. См. Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание.—«Пушкин и его современники», СПб., 1910, стр. 295.

¹¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1139, лл. 168—171 (стр. 427—434 журнального текста работы Н. Я. Бичурина).

См. также: Пушкин, цит. изд. т. IX, полумом 1, стр. 95—98. Ср.: Отец Иоакимф (Н. Я. Бичурин). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV века до настоящего времени. «Журнал Министерства внутренних дел», 1833, ч. IX, № 8, стр. 426—434; отдельное издание—СПб., 1834, стр. 231—239.

Текст Бичурина воспроизводился во всех изданиях «Истории Пугачева» (за исключением последних академических—АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 293—298) с рядом опечаток: «Балхати», вм. «Балхаши»; «20 000 мест» вм. «20 000 мес»; «Туркестане» вм. «Туркистане». Наличие опечаток, «с которыми вот уже 125 лет переиздается «История Пугачева», отмечалось нами в брошюре «О преподавании русской литературы в VIII—X классах киргизской школы», Фрунзе, 1958, стр. 76.

¹² М. П. Алексеев. Пушкин и Китай.—Сб. «Пушкин и Сибирь». Востсибoblгиз. М.—Иркутск, 1937, стр. 235.

¹³ См.: «О переходе Тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию» (Сочинение Китайского подлинника Г. Надворным советником С. В. Липовцовым).—«Сибирский вестник». 1820, ч. 12, кн. 10, стр. 167—188; кн. 11, стр. 189—194; 295—304; 205—210; кн. 12, стр. 211—226.

Вспомним, что еще в Михайловском Пушкин затребовал и изучил «Сибирский вестник весь». Кроме того, все писавшие в 1820—1830-е годы о киргизах и калмыках ссылались на Циши как на один из двух основных источников (наряду с дневником капитана Н. П. Рычкова), касающихся побега волжских калмыков. Следовательно, с этим материалом поэт был знаком.

О сочинении Циши в ряду других китайских источников по истории киргизов см.: А. Н. Бернштам. Источники по истории киргизов XVIII века.—«Вопросы истории», 1946, № 11—12, стр. 126—131.

¹⁴ V. Bergmann. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken (...). Erster Theil. Riga, 1804, S. 210.

¹⁵ «Дневные записки путешествия Капитана Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степе, 1771 году. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук, 1772 году», стр. 3. Напоминаем, что эта книга сохранилась в личной библиотеке Пушкина.

¹⁶ А. И. Левшин. Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей. Часть вторая. СПб., 1832, стр. 254. Пушкин и Бичурин ссылаются на тот же материал — на стр. 256 (IX—1, 96).

Современная советская историческая наука полностью подтверждает пушкинскую оценку основных причин событий 1771 года на Волге: «Притеснения царской администрации привели к тому, что в 1771 большинство калмыков откочевало из пределов России в Китай; многие из них погибли во время перехода». — «БСЭ», т. 51, 2-ое изд. (1958), стр. 137. Статья «Калмыцкая Автономная область».

¹⁷ Ср.: Д. П. Якубович. Черновой автограф трех строф «Памятника». — В кн.: «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 3, изд. АН СССР, М.—Л. 1937 стр. 7. Последняя строчка третьей строфы читается здесь: «Черкес, киргизец и калмык».

5. Пушкин в Киргизии

¹ К. Рысалиев. Произведения А. С. Пушкина в киргизских переводах. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук М., 1953, стр. 3.

² М. Богданова. О некоторых вопросах истории киргизской литературы XIX и начала XX в. — «Труды» Института языка, литературы и истории. Вып. III. Изд. КиргизФАН СССР, Фрунзе, 1952, стр. 103.

³ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 году. Географгиз. М., 1958, стр. 192, 248.

⁴ См.: А. Э. Измайлов. Очерки по истории советской школы в Киргизии за 40 лет (1917—1957). Киргизучпедгиз. Фрунзе, 1957, стр. 20—21.

⁵ К. Баялинов. Пушкин и киргизская советская литература. — Альманах «Киргизстан», кн. 8, Фрунзе, 1949, стр. 13.

⁶ Ср. указание М. И. Богдановой: «Неграмотность и

незнание русского языка не дали возможности Токтогулу широко общаться со ссыльными и заключенными».— М. Богданова. Токтогул Сатылганов. Критико-биографический очерк. Гослитиздат, М., 1959, стр. 54.

⁷ К. Баялинов, цит. соч., стр. 11—12.

⁸ Ш. Бейшеналиев. Борец и мыслитель.— «Сов. Киргизия», 1960, 10 июня, № 136, стр. 3.

⁹ К. Баялинов, цит. соч., стр. 12.

¹⁰ А. Э. Измайлов, цит. соч., стр. 35.

¹¹ Из письма К. Д. Джузенова к автору настоящей брошюры, с. Талды-Су (Тюпский р-н Кирг. ССР), 11 июля 1963 года.

¹² С. М. Граменицкий. Первая книга для чтения. Пособие для обучающихся русскому языку в инородческих училищах. 3-е изд. Ташкент, 1900, стр. 82 — «Зимою» («Вот бегают по снегу мальчик...»).

С. М. Граменицкий. Вторая книга для чтения. Пособие для обучающихся русскому языку в инородческих училищах. 3-е изд. Ташкент 1901, стр. 14 — «Конь» («Что ты ржешь...»), 72 — «Зимняя дорога».

С. М. Граменицкий. Третья книга для чтения. Пособие для обучения русскому языку в инородческих училищах. Изд. 2-е. Ташкент, 1901, стр. 32—37 — «Сказка о рыбаке и рыбке», стр. 50 — «Основание Петербурга» («На берегу пустынных волн...»), 74—75 — «Весна» («Гонимы вешними лучами...»), 75 — «Наступление весны» («Уж тает снег...»), 76—77 — «Осень и зима» («Уж небо осенью дышало...»), 77 — «Зимний вечер», 77 — «Зимнее утро» («Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...»), 153—154 — «Анчар».

За наведение справки по книгам С. М. Граменицкого приносим благодарность главному библиографу Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина З. И. Кушнеревой и и. о. зав. отд. справочно-библиографич. и информ. работы тов. Багровой.

¹³ См.: Д. Айтмамбетов. Дореволюционные школы в Киргизии. Изд. АН Кирг. ССР. Фрунзе, 1961, стр. 68; А. Э. Измайлов, цит. соч., стр. 33.

¹⁴ Ср.: М. Ф. Думенко. Русско-туземные школы Туркестана. Ташкент, 1957, стр. 12—13.

¹⁵ К. Д. Ушинский. Собр. соч., т. 6, изд. АПН РСФСР, М.—Л., 1949, стр. 139.

16 К. Д. Ушинский. Собр. соч., т. 4, изд. АПН РСФСР. М.—Л., 1948, стр. 376, 420—423.

17 М. (А.) Рудов. «С Пушкиным дружен киргиз».— «Комсомолец Киргизии», 1959, 7 июня, № 68, стр. 3.

17-а Ф. Оликов. Смычка европейской школы с кара-киргизской.— «Батрацкая правда», 1925, 5 апреля, № 4, стр. 1.

18 Ф. Оликов. К политико-просветительной работе в деревне. «Батрацкая правда», 1925, 24 апреля, № 8, стр. 3.

19 См.: И. И. Лактионов. Первые шаги.— «Русский язык в киргизской школе» (далее везде — «РЯВКШ»), Фрунзе, 1963, № 4, стр. 17—18.

На наш запрос о содержимом книжных посылок, полученных учениками школы № 7 г. Пишпека от Н. К. Крупской, И. И. Лактионов дополнительно сообщил следующее: «Из произведений Пушкина мы получили: прозаические произведения — «Станционный смотритель», «Капитанская дочка» и др., поэмы — «Кавказский пленник», «Полтава» и др., сказки... Я их читал нередко ученикам. Я искренне стремился на образцах замечательных произведений привить детям любовь к хорошему, прекрасному, прогрессивному». (Из письма И. И. Лактионова к автору настоящей брошюры. Фрунзе, 31 июля 1963 г.).

20 См.: К. Баляинов, цит. соч., стр. 14.

21 Абдылас Малдыбаев. Живой образ.— «РЯВКШ», 1962, № 1, стр. 2. Все материалы, помещенные в этом номере под рубрикой «Мы с Пушкиным сердцем срослись...», за исключением заметки лауреата Ленинской премии Чингиза Айтматова, напечатанной по авторской рукописи, представляют собою авторизованные записи наших бесед с деятелями киргизской литературы и искусства.

22 Кубанычбек Маликов. Он духовно обогатил нас.— Там же, стр. 3.

23 Алыкул Осмонов. Мой учитель.— «Сов. Киргизия», 1937, 11 февраля, № 34, стр. 3. (В подлиннике: Османов).

24 Кубанычбек Маликов, цит. соч., стр. 3.

25 Тугельбай Сыдыкбеков. Пушкин вошел в жизнь и быт нашего народа.— «РЯВКШ», 1962, № 1, стр. 1—2.

26 Н. М. Абрамов и Е. П. Литвиненко. Учебник русского языка для IV-го класса киргизской школы. Изд. 1-ое. Киргизгосиздат, Фрунзе, 1938, стр. 31, 93.

27 В. А. Диколенко, П. Д. Краевский, М. Е.

Л о п у х и н. Книга для чтения по русскому языку в киргизской школе. VI класс. Киргизгосиздат, Фрунзе, 1946, стр. 16, 18, 19, 20, 21—32, 109, 116, 117.

28 См.: «Программа по русскому языку и литературному чтению для V—VIII классов киргизской восьмилетней и средней школы», Киргизучпедгиз, Фрунзе, 1963, и «Программа по русскому языку и литературе для IX—XI классов киргизской школы», Киргизучпедгиз, Фрунзе, 1963.

29 Из автобиографии Алыкула Осмонова. См.: З. М а м ы т б е к о в. Творческий путь Алыкула Осмонова.— Альманах «Киргизстан», кн. I (16), Фрунзе, 1953, стр. 129. В других источниках названа «Зимняя дорога»; Осмонов перевел оба стихотворения.

30 Алыкул О с м о н о в. Мой учитель.— «Сов. Киргизия», 1937, 11 февраля, № 34, стр. 3.

31 Этот момент верно отмечен в книге: Д м. Б р у д н ы й. Из истории русско-киргизских литературных и театральных связей. Киргизучпедгиз. Фрунзе, 1960, стр. 40.

32 «В эти годы я в основном занимался переводами»,— свидетельствовал сам Осмонов. См. монографию: Р. З. К ы д ы р б а е в а. Лирика Алыкула Осмонова. Изд. АН Кирг. ССР. Фрунзе, 1957, стр. 28. Здесь же — комментарий исследователя к этим словам.

33 «А. С. Пушкин и киргизская литература».— «Сов. Киргизия», 1939, 6 июня, № 130, стр. 3.

34 К. Т. Читают Пушкина.— «Сов. Киргизия», 1937, 10 февраля, № 33, стр. 3.

35 О. Д. Пушкин на киргизском языке.— «Сов. Киргизия», 1937, 6 февраля, № 30, стр. 3.

36 М. Ф е д о р е н к о. Пушкин в школах.— Там же.

37 Каим Д а н а к о в. Полностью изучу Пушкина.— «Сов. Киргизия», 1937, 10 февраля, № 33, стр. 3.

38 Изаков(?) Шаршеналы (Шаршеналиев?). Пушкин — великий народный поэт.— «Сов. Киргизия», 1937, 10 февраля, № 33, стр. 2.

39 Б о т б а е в а. Изучаем Пушкина.— Там же.

40 О. Д. Пушкин на киргизском языке.— «Сов. Киргизия», 1937, 6 февраля, № 30, стр. 3.

41 Кайсын Кулиев. Заметки о поэтическом переводе.— «Сов. Киргизия», 1954, 15 декабря, № 296, стр. 3. Ср.: З. Ч. М а м ы т б е к о в. «Евгений Онегин» на киргизском языке.—

«РЯВКШ», 1963, № 2, стр. 14—17. «Бессмертный роман Пушкина, по-моему, ждет еще своего переводчика, способного передать всю поэтичность оригинала» (К. М а л и к о в. Он духовно обогатил нас.— «РЯВКШ», 1962, № 1, стр. 5).

42 К. Ры с а л и е в. Произведения А. С. Пушкина в киргизских переводах. Автореферат (...) М., 1953, стр. 14.

43 С. М. А б р а м з о н. Очерк культуры киргизского народа. Изд. КиргизФАН СССР. Фрунзе, 1946, стр. 90.

44 См.: Мединэ Б о г д а н о в а. Киргизская литература. Очерк. «Сов. писатель». М., 1947, стр. 132. Повторено в кн.: «История литератур народов Средней Азии и Казахстана», изд. МГУ, М., 1960, стр. 462—463. Перечень последних переводов Пушкина на киргизский язык см. ниже.

45 Кубанычбек М а л и к о в. Что мне дал Пушкин? — «Сов. Киргизия», 1937, № 33, 10 февраля, № 33, стр. 3.

46 Альманах «Киргизстан», кн. 8., Фрунзе, 1949, стр. 9. Перевод Н. Имшенецкого.

47 Кубанычбек М а л и к о в. Он духовно обогатил нас.— «РЯВКШ», 1962, № 1, стр. 5.

48 В. Д о н с к о й. Торжественное заседание в Киргостеатре, посвященное памяти А. С. Пушкина.— «Сов. Киргизия» 1937, 11 февраля, № 34, стр. 1.

49 См.: Б. К е р и м д ж а н о в а. К вопросу о влиянии русской литературы на формирование и развитие киргизской литературы.— «Литературный Киргизстан», 1959, № 3, стр. 114—115.

50 К. Б а я л и н о в, цит. соч, стр. 5.

51 Кайсын Кулиев. Алыкул Осмонов.— В кн.: Алыкул Осмонов. Мой дом. Стихи. Киргизгосиздат. Фрунзе, 1954, стр. 6.

52 См.: З. Ч. М а м ы т б е к о в. Алыкул Осмонов.— В кн.: «Очерки истории киргизской советской литературы», изд. АН Кирг. ССР, Фрунзе, 1961, стр. 495.

53 Алыкул Осмонов. Мой дом. Стихи. Киргизгосиздат, Фрунзе, 1954, стр. 91. Перевод Е. Орловской.

54 Б. П. Г о р о д е ц к и й. Лирика Пушкина. Изд. АН СССР. М.—Л., 1962, стр. 300—301, 309.

55 Алыкул Осмонов. Да здравствует сердце, да здравствует разум. Перевод Нины Манухиной — Цит. по кн.: В. А. Диколенко, П. Д. Краевский, М. Е. Лопухин. Книга для чтения по русскому языку в киргизской школе. VI класс. Киргизгосиздат. Фрунзе, 1946, стр. 145—146.

⁵⁶ О. Д. Пушкин на киргизском языке.— «Сов. Киргизия», 1937, 6 февраля, № 30, стр. 3.

⁵⁷ Чингиз Айтматов. Кто полюбит Пушкина, тот полюбит и русский язык.— «РЯВКШ», 1962, № 1, стр. 6.

⁵⁸ См.: К. Асаналиев. Тугельбай Сыдыкбеков.— В кн.: «Очерки истории киргизской советской литературы», изд. АН Кирг. ССР, Фрунзе, 1961, стр. 432—433, Ср.: К. Асаналиев. Романы Тугельбая Сыдыкбекова. Изд. АН Кирг. ССР, Фрунзе, 1956, стр. 95.

⁵⁹ Чингиз Айтматов. Сыпайчи.— В его кн.: «Лицом к лицу. Сборник рассказов», Киргизгосиздат, Фрунзе, 1958, стр. 78.

⁶⁰ См.: Мухтар Борбугулов. Пути развития киргизской советской драматургии. Киргизгосиздат. Фрунзе, 1958, стр. 34.

⁶¹ А. Шавердян. «Аджал Ордуна».— «Сов. Киргизия». 1939, 1 июня, № 123, стр. 4. (Перепечатка из «Правды» за 29 мая 1939 года).

⁶² См.: Аманкул Куттубаев. Первая скрипка.— «РЯВКШ», 1962, № 1, стр. 2; Абдылас Малдыбаев. Живой образ.— Там же, стр. 2—3; Сайра Киизбаева. Самый близкий, самый дорогой.— Там же, стр. 5—6; Марьям Махмутаова. Наш вдохновитель.— Там же, стр. 6; К. Николаев. Любимая работа.— «Сов. Киргизия», 1939, 26 мая, № 120, стр. 3.

⁶³ Алымкул Усенбаев. Великий Пушкин.— Альманах «Киргизстан», кн. восьмая, Фрунзе, 1949, стр. 7—8. Перевод Кайсына Кулиева; Алымкул Усенбаев. Пушкину.— В его кн.: Комуз. Киргизгосиздат. Фрунзе, 1958, стр. 26—27. Перевод Георгия Фере (в тексте брошюры цитируется этот перевод); Кубанычбек Маликов. Акыну акынов.— В его кн.: Весна Тянь-Шаня. «Сов. писатель», М., 1950, стр. 37—41. Перевод В. Потаповой; Кубанычбек Маликов. В долине Таласа.— В кн.: Антология киргизской поэзии. Гослитиздат, М., 1957, стр. 317—318; Темиркул Уметалиев. Пушкину.— Альманах «Киргизстан», кн. восьмая, Фрунзе, 1949, стр. 9—10. Перевод Н. Имшенецкого; Темиркул Уметалиев. Отец поэтов.— «Сов. Киргизия», 1962, 4 февраля, № 30, стр. 4. Перевод Л. Пеньковского. (Это — новый перевод стихотворения, которое в переводах Н. Имшенецкого и М. Соболя озаглавлено «Пушкину»); Темиркул Уметалиев. Пушкину.— Альманах «Киргизстан», кн. 3 (21), 1954, стр. 16. Перевод Марка Соболя (далее в тексте брошюры приводится цитата из этого перевода); Джоомарт Боконбаев. Друг.— В его

кн.: Избранное. Киргизгосиздат, Фрунзе, 1958, стр. 111—112. Перевод С. Липкина; Алыкул Осмонов. Пушкинге (Пушкину.— Л. Ш.).— В его кн.: Ата журт. (Отечество.— Л. Ш.) Кыргызмамбас, Фрунзе, 1958, стр. 133; Тугельбай Сыдыкбеков. Дети гор. Повесть. Сокращенный перевод с киргизского К. Горбунова и К. Кулиева. Детгиз. М.— Л., 1953, стр. 109—110; Аалы Токомбаев. У памятника А. С. Пушкину.— В его кн.: Избранное. «Сов. писатель», М., 1952, стр. 110—111. Перевод М. Тарловского.

⁶⁴ А. (Е.) Супрун. Больше требовательности. (По страницам альманаха «Киргизстан»).—«Сов. Киргизия», 1955, 26 апреля, № 98, стр. 3.

⁶⁵ Перевод наш. Дословный перевод консультировали Р. С. Шамурзина и Т. С. Саманчин. В оригинале цезуры графически выделены только в последней строфе. Ср. перевод Н. Глазкова в кн.: А. Осмонов. Избранное. Гослитиздат. М., 1958, стр. 230.

6. „...Работая для настоящего, приготавливают будущее...“

¹ Ср., с одной стороны: А л е е в. Изучаем русских классиков.—«Сов. Киргизия», 1937, 17 января, № 14, стр. 4; С. Р а к и т и н. Открылась юбилейная пушкинская выставка.— Там же, 1937, 4 февраля, № 28, а также цитированные выше статьи М. Федоренко, О. Д. и Ботбаевой,—и, с другой стороны: «Выездная сессия в колхозе».—«Сов. Киргизия», 1949, 3 июня, № 107, стр. 3; Е. К. Озмитель. Пушкин в киргизской школе. (Обзор литературы).—«РЯВКШ», 1962, № 1, стр. 22—25 и другие материалы этого номера, целиком посвященного пушкинскому юбилею; Л. А. Питель. В честь народного певца.—«Мугалимдер газетасы» («Учительская газета»), 1962, 10 февраля, № 12, стр. 3; Е. Р. П а н о в а. Учимся писать сочинения.—«РЯВКШ», 1962, № 2, стр. 25—28; А. А. А к м а т о в а. Работа над составлением плана сочинения по русской литературе.—«РЯВКШ», 1962, № 6, стр. 19—20; З. С. С мел к о в а. Образ Татьяны в киргизской школе.—«РЯВКШ», 1963, № 1, стр. 22—28.

² О переводах произведений Пушкина на киргизский язык, вышедших до 1957 года, см. в выпусках «Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем» за 1937—1957 годы, изданных Институтом русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. С 1958 года по 1962 год на киргизском языке вышли

также: 1) Капитанская дочка. Переводчик С. Бектурсунов. Фрунзе, 1958, 148 стр.; 2) Сочинения. Ред.: М. Абдукаримов, О. Орозбаев, К. Баялинов. Фрунзе, 1960, 582 стр. (в этот однотомник вошли избранные лирические стихотворения — почти все в пер. У. Абдукаимова, «Полтава» — пер. У. Абдукаимова, «Руслан и Людмила» — пер. К. Баялинова, «Кавказский пленник» — пер. его же, «Цыганы» — пер. К. Маликова; все сказки; «Борис Годунов» — пер. У. Абдукаимова, «Каменный гость» — пер. Дж. Турусбекова, «Скупой рыцарь» — пер. С. Шимеева, «Моцарт и Сальери» — пер. его же, «Русалка» — пер. его же); 4) Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях. Пер. М. Элебаева. Киргизучпедгиз. Фрунзе, 1961, 44 стр. Автолитографии Л. А. Ильиной.

Ср.: Заир М а м ы т б е к о в. Любовь народа.— «Сов. Киргизия», 1962, 10 февраля, № 35, стр. 3.

На русском языке, с комментариями и русско-киргизскими словариками, произведения Пушкина издавались Киргизучпедгизом в серии «Библиотека киргизского школьника»: 1) Повести Белкина. Фрунзе, 1957, 108 стр. Сост. словаря Н. Кангельдиев; 2) Дубровский. Фрунзе, 1959, 163 стр. Составление и методическая обработка В. П. Петрова; 3) Сказка о царе Салтане (...). Фрунзе, 1961, 50 стр. Составитель словаря Э. Ш. Абдулина.

Кроме того, на русском языке, но без русско-киргизского словаря, выпущена книга: А. С. Пушкин. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях. Киргизучпедгиз. Фрунзе, 1961, 44 стр. Автолитографии Л. А. Ильиной. Ред. Т. С. Букалова. Худ. ред. А. С. Осташев. См. рец.: Д. М. Орешкин. Иллюстрация к киргизскому изданию сказки А. С. Пушкина.— «РЯВКШ», 1962, № 1, стр. 26—27.

³ См.: Кымбатбек У к а е в. О косных традициях в киргизской поэтике.— «Комсомолец Киргизии», 1954, 25 июня, № 76, стр. 3; Аалы Т о к о м б а е в. О новом содержании и старых формах.— «Лит. газета», 1954, 19 июня, № 73, стр. 3; Азиз С а л и е в. Жизнь — в стихах. Изд. АН Кирг. ССР, Фрунзе, стр. 62—63; С. Д а н и я р о в. Радуюсь встрече.— «Сов. Киргизия», 1962, 7 сентября, № 212, стр. 2.

⁴ Суюнбай Э р а л и е в. Балет. (Глава из поэмы).— В его кн.: Застенчивые звезды. Стихи, сказки, поэмы. Перевод Светланы Сомовой. Киргизучпедгиз. Фрунзе, 1963, стр. 77—78.

⁵ В. Г. Б е л и н с к и й. Полное собр. соч. Том VII. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 101.

СОДЕРЖАНИЕ

		<i>Прим.</i>
1. Загадочные термины	5	120
2. Первая статья об отличии киргизов от казахов. (А. С. Пушкин и А. И. Лёвшин)	11	122
3. По следу, проложенному Пушкиным. (Документы об «Алатай-киргизах»)	34	129
4. А. С. Пушкин и Н. Я. Бичурин о «кэргызцах» (буру- тах)	52	132
5. Пушкин в Киргизии	72	135
6. «... Работая для настоящего, приуготовляют буду- щее...»	115	141

Шейман Лев Аврумович

ПУШКИН И КИРГИЗЫ

Художник В. Н. Рыжов

* * *

Редактор А. В. Касаткина
Художественный редактор А. С. Осташев
Технический редактор С. Сарыгулов
Корректор Т. П. Вязьмина

Сдано в набор 13/VIII 1963 г. Подписано к печати 24/IX 1963 г. Формат бумаги 70×108^{1/32}, 6,17 печатн.л. 5,88 уч.-изд. листов. Д—03750
Заказ 2192. Тираж 3000 экз. Цена 28 к.

г. Фрунзе, тип. № 1 Полиграфиздата
Мин. культ. Кирг. ССР